

ТАТЪЯНА
Степанова
Stepanova

ПИР НА ЗАКАТЕ
СОЛНЦА

Татьяна Юрьевна Степанова
Пир на закате солнца
Серия «Детектив-триллер», книга 11

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184290
Пир на закате солнца: Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-37320-8*

Аннотация

В госпитале творятся странные вещи. Сотрудница пресс-центра ГУВД Катя Петровская сама тому свидетель. И эпицентр этой страшной истории полковник Олег Приходько – Троянец, которого едва живого привезли восемь месяцев назад из Албании. Но у него уже ничего не спросишь, он мертв. Мало того, его труп загадочным образом исчез из морга... Катя вспомнила полоумную медсестру, потом мальчика с черешнями в больничном коридоре... Вспомнила слова его матери о том, что сына будто подменили после того, как они всей семьей навестили Олега Приходько. Генерал Москалев и полковник Приходько были друзьями, боевыми товарищами. Троянец... Странный псевдоним, сразу возникают ассоциации... Троянский конь: на вид одно, внутри совсем другое. Этаким носителем, внедренным в иную среду, с особой начинкой из горя, хаоса, смерти... А все началось там, в горах Албании...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Степанова

Пир на закате солнца

Вот ужасный, вызывающий дрожь случай про красную пиявку...
Артур Конан Дойл «Пенсне в золотой оправе»

Пролог

ДОКУМЕНТ 377-03. Приложение к материалам уголовного дела, возбужденного по факту пропажи без вести членов группы АФ. Документ изъят при осмотре номера (гостиница «Розафа», забронировано для сотрудников миссии согласно инструкции – Шкодер, Албания). Письмо старшего эксперта-криминалиста, сотрудницы следственной группы АФ при миссии международного наблюдения ООН Раисы Чистяковой (Raisy Chistyakovoy). Письмо датировано 3 октября 200... г., не отправлено. Адресат – подруга, проживает в Москве, по учетам USWR не проходит.

НАТУСЯ! КОТЕНОК!

Отсюда звонить – целая история, из отеля никаких денег не хватит, так что буду тебе писать, котенок, тем более что, кажется, мы тут застряли надолго. Летели из Черногории чартером, нормально все прошло. Часть наших летела через Вену с пересадкой, так у них была задержка почти на сутки – туман, аэропорт Шкодера не принимал.

Помнишь, ты говорила, что это будет похоже на Кавказ? Так вот на Кавказ это уж совсем никак не похоже. Хотя здесь, на севере Албании, кругом горы. Шкодер невозможно сравнить ни с одним знакомым нам городом. Умом понимаешь, что это вроде как Средиземноморье, а выглянешь в окно гостиницы – настоящий Горгорот (помнишь, у Толкиена?). Архитектура чудная, дома облупленные, но те, которые красят, – размазывают аляписто в синий, оранжевый, даже красный. И везде тучи пыли, она очень мелкая, кашель вызывает. У Митри – это наш сотрудник, больше того – начальник, очень славный и простой, без закидонов парень, – так вот у него аллергия на пыль, он, бедненький, просто пропадает тут. Мы стараемся его приободрить, мол, в горах ему станет гораздо легче, хотя никто из нас толком не знает, какие в Албании горы.

Наш отель в самом центре у городского рынка. Рынок здесь – главное место, в этом чувствуется влияние Турции, Востока. Ходили в первый же день с Олегом. Купить практически нечего – местная посуда да китайский ширпотреб, как раньше у нас на Черкизовском. Хотела тебе что-то оригинальное, самое-самое албанское в подарок, так и не нашла. Будем проезжать разные городки и деревеньки, поищу у местных умельцев, там скорее найдешь.

Тут вообще все, и стар и млад, торгуют – сидят на улице у перевернутых ящиков, а на них какая-то снедь, соленья, но я что-то опасаюсь покупать: все день-деньской лежит на жаре, на солнцепеке. Осень здесь очень жаркая и сухая, что же, интересно, было летом, а?

Много домов строится, причем очень быстро, и машины мелькают иногда по улицам такие, что только диву даешься, что кто-то среди этой нищеты способен на таких вот ездить. Вчера видела новехонький «Феррари», стоял возле помойки, драил его тряпкой какой-то тип в рваной футболке. А потом явился еще один тип – ну прямо персонаж фильма Кустурицы, сел за руль и отчалил.

Но Олегу, кажется, нравится тут больше, чем в Косове. Это, по его словам, полная дыра. Олег, он вообще-то ничего... Слушай, котенок, хочется мне о нем с тобой потрепаться, да боюсь сглазить. Уже чуть-чуть больше, чем просто чисто служебные отношения. Хотя особо общаться некогда, работы очень много. Меня предупреждали перед поездкой, так что,

видно, с «личным» придется подождать. К тому же Олег, он... по-моему, нравятся ему в основном свистушки, девчонки, возраст у него сейчас как раз такой – для них. Однако...

Мы ведь вместе летели, ты знаешь. И потом тоже вечером, когда заселились в отель, он зашел ко мне. Да, котенок, конечно же, с бутылкой! Здоровый, нормальный мужик без комплексов. До сих пор вот так и не поняла – разведенный или холостой. На разведенного вроде не похож, но до тридцати семи лет прослужить в органах и не жениться? Ты же знаешь, у нас в системе все женятся, как болваны, ни свет ни заря.

В общем, провели вечерок. Он про Косово рассказывал. То-се, потом какие у вас глаза, Раечка... Затем я его вежливенько выперла, хотя... Ах, котенок, теперь вот жалею, а вдруг и не повторится больше у нас такой вечер?

Я все о себе, а как ты? Как твои экзамены? Учиться в медицинском на вечернем, работать – Натуся, милая моя, на это одна ты способна, котенок мой пушистый.

На улице что-то орут. Язык совершенно понять невозможно, но молодежь по-английски шпарит вовсю. Ой, забыла тебе сказать – когда ехали позавчера с сотрудниками миссии мимо железной дороги, видела паровоз-«кукушку», представляешь? Как у нас в фильмах про войну: столб дыма, вагоны битком, даже на крыше едут. А на шоссе наш ооновский джип «мерсы» обгоняют. И как обгоняют – гудят, палец показывают.

В горах, куда едем, говорят, очень красиво. Хвойные леса, скалы, водопады. Но меня что-то все это не радует. Тяжело как-то, тревожно. Может быть, оттого, что читаю сейчас много по работе всего – документов, материалов. Какая страшная штука – война. Что с людьми делали! Убивали, пытали! А ведь все люди. У всех матери были, всех в детстве научить старались чему-то хорошему.

У нас тут в отеле на ресепшн стоит такой красавец портье, просто глазам больно. Под два метра, сероглазый, ключ тебе подает, словно вы на свидании – так и обжигает. Или это мне чудится от недостатка мужского внимания?

Мне еще кое-что чудится, котенок. Точнее, снится. Ночи здесь очень темные. Лежишь в кровати, тени на фоне штор, на потолке. Тени, трещины, как паутина... Эх, были бы тут магазины, прошлась бы, нахватала тряпок по дешевке, сумку бы купила, наконец, себе итальянскую, все бы как рукой сразу – грусть, тоска, дрожь...

Очень хочется домой. Командировка за рубеж – это, конечно, неплохо, тем более в нынешней кризисной ситуации, все-таки платят прилично, но...

Котенок, пожелай мне удачи. Будет минутка вечером – подумай обо мне, и мне станет легче, спокойнее, как будто дом сразу ближе.

Ну все, целую тебя крепко. Пиши мне на адрес миссии, он у тебя есть. Пиши, как у тебя с «личным», как поживает твой заведомый – «доктор Борменталь» из госпиталя? Есть позитивные сдвиги в ваших отношениях или он все еще дичится тебя? По возможности позвоню, когда вернемся в Шкодер.

Твоя Рая.

3 октября 200... г.

Приграничный с Косовом район Северной Албании

Глава 1

Проклятые горы

– Не ждите, что вам кто-то станет помогать и оказывать добровольное содействие. Не забывайте: не так уж и давно во время «косовского противостояния» те места были, по сути, прифронтовой полосой. Отряд полевого командира Гезима Печа имел там постоянную базу. И хотя он погиб, по нашим данным, от рук своих же, но в глазах местного населения там, в горах, он настоящий герой, партизан. Так что любая попытка с вашей стороны очернить подозрением его героический мученический ореол чревата...

Тон майора КЕЙ ФОР Карлоса Баерза был сух и лишен эмоций. Его вызвали на инструктаж следственной группы АФ, он прилетел ночным рейсом из Приштины в Шкодер, но по лицу его было видно, что он относится к своим обязанностям без всякого энтузиазма.

Олег Приходько там, в номере отеля «Розафа», где проживали сотрудники следственной группы, майора КЕЙ ФОР, казалось, и не слушал. Слова Баерза всплыли в его памяти уже в машине. И вовсе не потому, что Баерз говорил что-то уж очень важное, полезное или представляющее исключительный интерес в оперативном плане. Просто он прилетел из Косова, где служил и работал. А это чертово Косово все еще не отпускало Олега Приходько от себя.

Балканский драйв...

Помнится, в 99-м сама идея о том, что капитан милиции, простой российский опер из отдела по борьбе с кражами и угонами автотранспорта, без всяких связей, блата, может подать заявление, пройти комиссию при МВД и практически на три года отправиться на работу за границу в какие-то там международные полицейские силы охраны законности и правопорядка, – эта идея казалась утопией, сказкой. Но сказка в случае с Олегом Приходько стала былью. Он подал заявление, прошел комиссию и был командирован МВД в тот самый КЕЙ ФОР – в тогда еще действующее российское подразделение.

Три года балканского драйва... Кто-то из ребят пустил это словцо. Заграница представлялась землей обетованной. Балканский драйв оказался тем еще дерьмом. И это балканское дерьмо крепко прилипло к подошвам их солдатских шнурованных ботинок.

Не отодрать, не отмыть. Если ампутировать – то только с ногами, с душой...

Тучи черных птиц, кружащих в небе над черепичными крышами, над полями, – эта чисто косовская картинка часто вспоминалась Олегу Приходько, теперь уже полковнику МВД. Дрозды, галки, воронье, сбитое инстинктом в тугой черный галдящий смерч, – над лесом, над пашней, жирной, плодородной, удобренной прахом мертвых, человеческими костями, навозом войны.

Спросить бы у этого Карлоса Баерза: как там ОНИ – все еще летают, галдят, гадят на крыши, жрут червей?

Вместо этого на инструктаже в номере отеля они рассматривали в ноутбуке карту района будущего выдвижения группы да слушали предостережения о настроениях местных. А кого, интересно, местные албанцы должны были поддерживать в том самом «косовском противостоянии» – сербов, что ли? Конечно, своих, конечно, косоваров.

Но одно дело поддержка и сочувствие, другое – соучастие в преступлении. Тем более таком, какое расследуют (точнее, пытаются со скрипом расследовать) члены группы АФ при международной миссии наблюдателей ООН.

Работа в группе АФ была второй по счету командировкой полковника милиции Олега Приходько на Балканы. На этот раз не в Косово, а в Албанию, в город Шкодер.

«Любая попытка очернить мученический героический ореол чревата...» – эти слова майора КЕЙ ФОР Приходько вспомнил уже в машине – белом джипе с лейблом ООН, который вроде бы сам по себе должен вызывать у албанцев положительную реакцию. «Любая попытка чревата...» – этого самого бородача Гезима Печа, кантовавшегося в горах с автоматом и ватагой бойцов, действительно на севере почитали как героя. Партизан, участник боев с сербской армией и все такое прочее. После публикации книги швейцарского прокурора Карлы дель Понте, где она прямо говорила о похищениях сербских граждан с целью изъятия у них донорских органов и подпольной торговле таким вот «товаром», это имя всплыло вместе с другими именами албанских полевых командиров совсем уже в ином контексте.

В горах на севере на границе с Косовом располагались не только военные базы, но там же, по словам швейцарского прокурора, находились и места, где содержали похищенных людей. Сведения о «желтом доме» в горном селении, предоставленные прокурором, где проводились хирургические операции по изъятию у живых людей донорских почек, сердца, селезенки, печени, предназначенных для продажи в клиники и госпиталя, взорвали эфир, обошли все мировые информационные каналы.

«Желтый дом» был найден, осмотрен. Результатов по факту осмотра было получено ноль. Однако именно тогда при международной миссии наблюдателей и была образована специальная секретная следственная группа АФ, сотрудники которой вели поиск настоящих мест, где во время войны подобные операции по изъятию органов проводились. Где потрошили людей, где работали настоящие «мясники», где должны были остаться следы, улики, пригодные для идентификации, для предоставления в качестве доказательств в суде.

Кроме этих «мест крови» должны были быть найдены и тайные лагеря, где держали похищенных. А также кладбища, где хоронили убитых.

Одно такое «место крови», по оперативной информации, полученной полицией КЕЙ ФОР, находилось в горах, в сорока минутах езды от границы с Косовом. Однако данные были расплывчаты, группе АФ предстояло их уточнить.

Но, как предупредил майор Баерз, на жителей окрестных деревень полагаться в этих поисках и уточнениях не приходилось.

Олег Приходько был к этому готов, ничего другого он, собственно, и не ожидал.

А вот у хорвата Митри Сокола, формально являвшегося старшим группы, это вызывало злость и досаду. Садясь в джип, он не скрывал своего мрачного настроения. Даже не улыбнулся привычно эксперту – криминалисту группы Рае Чистяковой. Она загрузила в багажник свою походную «лабораторию» – что-что, а техника была выдана группе первоклассная. Зато не было, увы, никакой охраны. Как объявили в миссии наблюдения – на автоматчиков просто не хватило средств, бюджет миссии и так был урезан наполовину в связи с мировым кризисом.

Митри Сокол и Олег Приходько получили от майора Баерза фамилию и адрес информатора КЕЙ ФОР в селе Требиште, которое они должны были проезжать. Информатор был из сельской интеллигенции – учитель. Приходько, опытный в таких делах, предпочел бы, чтобы агент был кабатчиком – хозяином придорожного кафе, – эти типы знают много, а видят и подмечают еще больше. А какой информацией мог располагать школьный учитель? Хорошо еще, что он по-английски болтает и на славянских языках тоже, а иначе всей его информации грош цена – ведь шкиптарского (то есть албанского) языка в группе все равно никто не понимает, кроме коренного албанца – водителя по имени Небойша.

Этому самому Небойше за сотрудничество полагался гонорар. Перед отъездом секретарь миссии наблюдателей вручил старшему группы Соколу тысячу долларов – это был бюджет на расходы группы: оплату работы водителя, оплату его же как переводчика с албанского в общении с местными жителями, оплату за бензин, за еду, за ночлег, если бы обстоятельства потребовали ночевки в сельской гостинице. Тысячу баксов работающий албанец из Шко-

дера мог скопить в лучшем случае за год ударного труда. В горах на севере убивали во время войны и за пятую часть этой суммы.

И при таком раскладе у миссии наблюдателей не хватило бюджета на конвой!

Балканский драйв...

Олег Приходько хлопнул дверью джипа, перехватил взгляд Раи Чистяковой. Соотечественница, боевая подруга... эх, мать моя женщина, и какого черта родное МВД посылает сюда в командировку баб?!

Считается, видимо, не такой уж и «горячей точкой» – не то что, например, Чечня, Кавказ. Как же – граница... Курица не птица, Албания не граница. Албания – это вообще и не страна даже, это образ мыслей, способ существования – другой, настолько другой, что и представить трудно.

Албания...

Такого синего неба нет, наверное, нигде в мире.

И такой пыли на дорогах при прозрачности небес – тоже нет.

И такой вот музыки, что льется из магнитолы шофера Небойши – в три голоса, они то сливаются, то вдруг расходятся на верхах, то вновь звучат в унисон – мелодично, варварски, нежно и дико, – и все это вместе под аккомпанемент волынки-гайды, флейты-зурны и барабана.

Там, на скалистом холме над Шкодером, сторожит врагов средневековая крепость Розафа. На ее стенах четыре века назад били турецкие барабаны – до сих пор рассказывают в Шкодере: божественный ритм, неповторимое звучание им придавала человеческая кожа, содранная с пленных, высушенная, выдубленная на жарком солнце.

– Небойша, о чем поют? – спросила Рая Чистякова шофера.

Тот оглянулся, улыбнулся широко, потом посмотрел на Сокола, страдавшего аллергией на пыль, приглушил звук.

– Один раз живем.

– Об этом поют?

– Все вокруг умирает, только Балканы остаются. – Небойша улыбнулся еще шире. Его русский, а также сербскохорватский были вполне адекватны, по-английски же он в основном оперировал словом «fack!».

Загрузились, уселись, тронулись. «Помогай бог!» – Митри Сокол, капитан уголовной полиции из Загреба, произносил это здесь, на улицах Шкодера, с разными интонациями – и как просьбу, и как команду «даешь!», и как приказ.

Улицы, улицы – город кончился быстро, точно декорации мгновенно переменили.

Рая Чистякова достала из сумки косметичку. Пудреница – солнечный зайчик заплясал по салону, слепящим пластырем лег на глаза.

– Олег Иванович...

– Что?

– Письмо.

– Какое еще письмо?

– Я подруге хотела отправить, думала, почту будем проезжать. Да вот в номере забыла, растяпа.

– Возвращаться – хуже нет дела, – объявил шофер Небойша.

– У вас тут тоже такая примета? – Рая Чистякова спрашивала шофера, а смотрела на Приходько.

– У нас тут в приметы не верят.

– А во что верят?

– В дурной глаз. В имена. В автомат «калаш», хорошо, когда есть он, все сразу просто. – Шофер Небойша явно кокетничал с экспертом-криминалистом группы АФ.

Молодость!

– А как это – в имена?

– Ну что не зря даются. Вот куда едем – Проклятые горы называются.

– Отчего же они Проклятые?

Голос Раи Чистяковой журчал как ручей. Ей хотелось поболтать. Олег Приходько подозревал, что ей хотелось поболтать именно с ним. Но он не ловился больше на эти наживки. Чесать языком – это все, что они умеют, эти самые боевые подруги, коллеги по службе. А как только заводишься сам, делают невинные глаза: что такое? Ты меня неправильно понял. Ведь сама же была не против того, чтобы он пришел к ней в номер. Сама же слушала, смеялась, глазами стреляла. А едва он проявил инициативу – сразу на попятный: завтра трудный день, нужна свежая голова, спасибо за приятный вечер, спокойной ночи.

Вот дрянь!

И не так уж она хороша. Блондинка... Подумаешь, крашенная. Или все-таки натуральная? Фигура аппетитная, говорила, что плаванием занимается, что у них с подругой в Москве абонемент в бассейн. Подруга якобы медик, на вечернем... А этот шоферюга-албанец так и пялится на нее, так и пяли...

– Данные абсолютно точные – в этих самых горах, в районе Крумского ущелья пропали сербские военнопленные и еще две женщины, этих привезли в Крум из Призрени, – сказал Митри Сокол Приходько. Данные, правда, были не первой свежести, еще времен военного конфликта, но предоставила их международной миссии хорватская разведка, у которой были свои надежные источники. – Одна из женщин была замужем за албанцем, казначеем в отряде Гезима Печа. И тем не менее она пропала – так же как и остальные. Станный факт.

– Ты говорил, они все были примерно одного возраста – около тридцати лет? – спросил Приходько. – Самый подходящий возраст для того, чтобы забрать у них органы, не находишь, Митри?

– В Крумском ущелье вроде как есть какая-то шахта. Там в первую очередь и надо искать останки. – Митри Сокол, закулив, опустил стекло джипа.

Навстречу мчались, грохоча по ухабам разбитого шоссе, машины, груженные помидорами. Справа и слева тянулись поля. На севере синели горы.

Осень – время урожая, время сбора плодов. Это весна – время любви.

– Олег Иванович... Олег...

Приходько обернулся к Рае Чистяковой. Когда-то в Косове у него было другое имя – Троянец: оперативный псевдоним, под которым он проходил в отчетах руководству, ставший его прозвищем. Считалось, что в нестабильной обстановке гражданского противостояния действовать под псевдонимом проще, чем под своей настоящей фамилией.

Троянец... Он уж и забыл...

Нет, как можно забыть? Эх, балканский драйв, балканский драйв! И вот он снова здесь под этим небом, только по другую сторону гор.

И все-таки глаза у НЕЕ, у этой девахи, красивые. И улыбка светлая... Там, в горах, если повезет, будет у нее, бедной, много работы. Поиски образцов – следы крови, пригодный для исследования генетический материал, видеосъемка, фиксирование данных. Только вот что это будет за место? Дом? Больница? Участок леса, где когда-то располагался полевой госпиталь? По данным, которыми располагает группа, у тех, кто туда попадал, не было шанса выжить. Их тела, их органы представляли уже чисто коммерческую ценность. Их потрошили, вырезая все, что можно было продать в качестве донорских органов. В том «желтом доме», про который писала швейцарская прокурорша дель Понте, было организовано что-то вроде «отделения полевой хирургии». А сколько таких мест было еще здесь во время войны?

– Олег, мы по пути где-нибудь остановимся? – спросила Рая Чистякова. – В каком-нибудь городке, где есть базар?

– В Требиште остановимся.

В этом горном селе следовало встретиться с агентом и получить информацию, если таковая у него имелаась (в это Приходько-Троянец особо не верил).

– Хочу подружке Наташе купить какую-нибудь вещицу чисто албанскую, – делилась Рая уже с Соколом, – сувенир на память.

Грузовики, грузовики навстречу. Длинные фуры с ящиками слив, яблок, абрикосов. Ржавые ангараы автомоек со странной вывеской «lavash» аршинными буквами. И вдруг справа на склоне – точно нарост, старый бетонный дзот с поросшими кустарником стенами – когда-то убежище, а теперь просто придорожная уборная.

Если бы могла душа отделиться от тела, воспарить ввысь и оттуда, сверху, взглянуть на эту картину – лента шкодерского шоссе, рассекающая поля, теряющаяся там впереди в лесу, снова вынырывающая из чащи, выходящая серпантинном все выше и выше в горы... И на этой серой растрескавшейся ленте – новенький белый джип с синим ооновским лейблом – такой быстрый, такой мощный, напичканный под завязку современным оборудованием, новейшими системами навигации и прочей электроникой и все равно неотвратно и фатально мчащийся в никуда. Уже почти готовый пересечь невидимую границу.

Но они не знали ничего о том, что их ждет.

Осень – это время урожая. Пора фур, груженых помидорами.

В помидорном царстве как-то вообще не думается о смерти.

И о том, что еще страшнее.

Горы сначала стали просто ближе, а потом окружили, нависли, стиснули со всех сторон. И эта смена декораций опять-таки произошла практически мгновенно. Буковый лес, сосны. Яркие желтые пятна среди зелени, палая листва. Все вверх и вверх, к горному перевалу. Бурые черепичные крыши какого-то городка и минарет мечети. Поворот – петля серпантина и...

– Черт, что за знак такой? – не удержался Приходько, ибо на синем дорожном треугольнике был намалеван... бегемот.

Бегемот в албанских горах?! Нарисованный, как лось на таком же вот синем треугольнике где-нибудь у нас под Тверью.

– А, это с войны, – отмахнулся шофер Небойша. – Граница рядом. КЕЙ ФОР карту дорог делали, поставили свои знаки.

– Для удобства обозначения: поселок «льва», поворот «бегемота», – пояснил Сокол. – Тут на границе батальон из Южной Африки стоял на демаркации. Там, на севере, сербская армия, тут, в горах, банда Печа.

– Отряд, – тихо, однако настойчиво поправил шофер Небойша.

– Отряд, – Сокол многозначительно глянул на Приходько: слышал? – А посредине силы КЕЙ ФОР, которые даже не утруждали себя албанской топографией.

– Ой, смотрите, это же водопад, вон там – какая прелесть! – воскликнула Рая Чистякова.

Ручей, низвергающийся с утеса, бурлящий, пенящийся по гальке.

Синева.

Тени от деревьев.

– Нравится тут? – спросил Небойша Чистякову.

– Да, очень красиво. Я думала, будет как Крым. Но это не Крым.

– Шен Кол место называется.

– Здорово. Красиво.

– Святой Кол.

– То есть... как это понять?

Приходько, до этого пропускавший их треп, прислушался. Станный какой тон у шофера. А вообще, что мы, группа АЕ, знаем об этом парне? Работает на миссию, жаден до денег, лихой водила. И это практически все, что о нем известно.

– Ну делали такое. – Небойша бросил руль, показал руками сначала «длинное», потом, что строгают. – Брали в лесу ствол крепкий – бук и делали ему острый конец. Очень острый, чтобы насквозь проходил, как меч. У нас был шофер с этих мест – он рассказывал. Всегда здесь так делали, в старину – не сейчас, конечно. Делали кол. Там где-то дальше церковь была. Старая, от папы римского, еще при турках монахи приходили, строили. Так вот несли туда освящать. Получался святой кол, крепче железа. Себя так спасали.

– От кого спасали? – спросила Рая.

– Сказки, – усмехнулся Небойша. – Тут в этих горах... Боялись...

– Кого боялись-то? Гезима Печа вашего? – не выдержал Приходько.

– Сказки, – повторил шофер уже без улыбки. – Знаешь, русский... ты ведь за сербов тогда во время войны стоял, я знаю... Мое дело сторона, я работаю, деньги коплю, в Америку уеду отсюда, хочу уехать. Только знаешь, русский, люди здесь в этих местах и до войны пропадали. Не веришь мне – спроси там, в Требиште, они подтвердят.

– По какой же причине пропадали люди?

– Не знаю. Знаю лишь, что у нас так просто место проклятым, а вещь святой не назовут.

– Вон село, мы подъезжаем, – сказал Сокол.

Дома на склоне горы и мечеть Требиште было видно издали, однако ехали еще примерно четверть часа. Облупленные домишки под черепичными крышами ползли вверх по горе уступами среди зелени и серых камней. Разбитая, выложенная булыжником улица уходила к рыночной площади. Джип свернул на сельскую улицу и сразу же застрял в стаде коз и овец, их куда-то гнали бородатые угрюмые мужики в брезентовых плащах. Шофер Небойша тут же вступил с ними в жаркую перепалку, но это помогло мало. Стадо шло своим путем, обтекая джип с обеих сторон, блея, никуда не торопясь. На противоположной стороне улицы в пробке застряли два мотороллера – их водители, совсем молодые парни, тоже что-то орал пастухам.

Никого, кроме коз, пастухов и мотоциклистов, не было видно. Требиште выглядело пустым, практически безлюдным.

Приходько спросил Сокола: что, поедем прямо к школе, вызовем учителя? Вроде это вообще против всяких правил работы с агентурой. Решать оперативные вопросы в чужой стране через переводчика – с таким стилем работы трудно было смириться. Но ничего другого не оставалось. Агент КЕЙ ФОР, этот самый учитель... как там его... какой-нибудь очередной Корча или Дроча (к албанским именам Приходько никак не мог привыкнуть)... Учителя звали Лека и, судя по времени – три часа пополудни, он должен был быть еще в школе на уроках.

Но Сокол, который сам родился на Балканах и знал толк в таких делах, приказал остановиться на площади возле кафе. Оно располагалось в покосившейся мазанке дверь в дверь с продуктовой лавкой. Пахло шаурмой, кофе и чем-то пригоревшим. У дверей за колченогими столиками сидели старики. За стойкой царил усатый, как таракан, хозяин в кожаном жилете. Под потолком работал телевизор, а на стене висели портреты матери Терезы (албанки по рождению), красавца короля Зога Первого и президента Буша-старшего.

Шофер Небойша крикнул хозяину что-то типа: принимай гостей, шевелись. Потом показал Рае Чистяковой замызанную дверь: тут, мол, туалет, если надо. Откуда-то вынырнули две тетki в черном и засуетились, вытирая столы и разгоняя мух, – джип с синими буквами ООН произвел впечатление в Требиште, где все решили, что приехали американцы.

Не успели глазом моргнуть, как, запыхавшись, в кафе влетел долговязый очкарик в сильно поношенной тройке, сшитой по моде 80-х. Приходько вспомнил фото, показанное

майором КЕЙ ФОР, – ба, да это же наш агент Лека! Сам явился. Вызывать на стрелку даже не пришлось. Вот это да! На виду у всех, в кафе – стучать, никого не боясь, не стесняясь.

– Кофе по-турецки? – спросил Сокол.

– У меня давление, премного благодарен, господа, я выпью стакан молока.

Если это можно было назвать паролем и отзывом... Медленный с запинкой инглиш. В кафе все благоговейно замолкли.

– Пожалуйста, присядем. – Приходько кивнул на столик снаружи под линиялым навесом. – Ждали нас?

Учитель Лека пожал плечами. Снаружи беседовать было как-то спокойнее, да и легче дышалось. Подошла, вытирая руки бумажной салфеткой, Рая Чистякова. Учитель вежливо поклонился ей. Он производил довольно приятное впечатление: этаким интеллигент-просветитель, внешне очень похожий на Ибрагима Ругову.

– Так вы ждали нас? – спросил Приходько.

– Как сказать. Мне сообщили – приедут.

– Вам сообщили, что конкретно нас интересует?

– В общих чертах.

– Почему жителей совсем не видно? – спросила Рая Чистякова по-русски. – Спросите у него.

– Женщина – ваш сотрудник или жена? – в свою очередь, поинтересовался агент.

– Сотрудник, можете говорить совершенно свободно. Из отряда Гезима Печа в селе сейчас кто-то есть?

– Много людей. Вас интересует Печ? Его убили три года назад.

– Мы знаем, мы хотели бы...

– Во-он тот дом напротив. Гнездо аиста на дереве. Видите на пороге женщина в черном? Это мать Ильяса, который и застрелил Печа – дал очередь из автомата. Он пробрался к нему в дом. Это произошло не здесь, а на приморской вилле, Печ разбогател, купил себе дом на море.

– Он сделал себе состояние на похищениях людей и торговле донорскими органами, – перебил Сокол.

– Ильяс сейчас, по слухам, в Америке, боится кровной мести, хотя у Печа не было родственников, которые могут отомстить, – продолжал агент, словно не слыша. – Это дело прошлое.

– Когда Печ был жив, сюда в село привозили людей из Косова?

– Никогда, что вы! Я живу тут всю жизнь.

– Вы что преподаете? – спросил Приходько.

– Литературу, наш родной язык, немного английский, чтобы наши дети могли приобрести к...

– А вам известно, что по международным законам похищение людей с целью изъятия у них донорских органов – тягчайшее преступление, которое не имеет срока давности?

– Какая, собственно, информация вам необходима?

«Если даже агент, которому кейфоровцы доллары платят, так виляет, не идет на контакт, – подумал Приходько, – то что уж говорить о других? Они все тут горой друг за друга – соплеменники, объединенные клановой порукой».

– Конкретный факт, подтвержденный нашими военными источниками: пропажа в Крумском ущелье сербских военнопленных, доставленных через границу, а также двух женщин, – вмешался Сокол, начинающий терять терпение. – Крумское ущелье отсюда всего в нескольких километрах. Мы расследуем этот конкретный факт. Мы подозреваем, что...

– Простите, судя по выговору, вы хорват?

– Я майор загребской уголовной полиции и в настоящее время сотрудник международной следственной комиссии, – повысил голос Сокол. – Ваш Печ – садист и убийца, у него руки по локоть были в крови.

– Он когда-то учился в нашей школе. А Ильяс, который его убил, был моим учеником. – Лека снял очки, протер их полкой пиджака. – По Крумскому ущелью у меня нет информации. Наши туда не ходят. Давно не ходят.

– Там вроде бы есть какая-то шахта. Возможно, тела пленных были спрятаны там. – Сокол явно верил данным своей хорватской разведки. – Если операции по изъятию органов проводились не здесь, в Требиште...

Учитель испуганно замахал руками.

– Если не здесь, то, значит, где-то поблизости от Крума. Там есть населенные пункты?

– Нет.

– Может быть, там был полевой госпиталь?

– Никакого госпиталя, никакого жилья. Туда даже пастухи стада не гоняют вот уже сколько лет.

– Потому что там была база отряда Гезима Печа?

– Он был родом из нашего села – Гезим и почти все его бойцы тоже были местные. Они воевали в Косове. В перерывах между боями возвращались сюда. Но никогда бы они не сделали базу для отряда в Круме!

– Почему?!

– Олег, что они так кричат? – тихо спросила Рая Чистякова у Приходько, который тоже, несмотря на весь свой косовский опыт, уже здорово плавал в их громком сербскохорватском.

– Почему? – повторил Сокол. – Вы уклоняетесь от ответа. Вы обязаны помогать нам в расследовании. А вы...

– Это место – Крум... туда никто не ходит, не ездит вот уже много лет, много десятков лет. Даже при коммунистах так было: и раньше тоже. Я объясняю вам. Печ не мог никого привезти туда из Косова. Он и его бойцы в Крум не совались.

– Что он говорит? – не унималась Рая Чистякова.

– Говорит, что Крумское ущелье для местных что-то вроде запретной зоны, – пояснил Приходько.

– Это туда, куда мы едем?

– Да.

– А как он это объясняет?

– Подожди, Рая... Вы, Лека, должны сказать нам правду. Причем так, чтобы мы поняли.

– Иностранцы не понимают, албанец понимает такие вещи с полуслова.

– Какие вещи?

– Дурная земля. Даже не земля, а... – тут агент произнес какое-то слово по-албански: странное сочетание шипящих звуков. – Это ИХ место. Живым там делать нечего, иначе беда. И дело даже не в вере, не в традиции, это здесь просто не обсуждается. Об этом вслух не говорят.

– Ничего не понимаю. – Сокол закурил. – Традиции, не обсуждается... Совершены тяжкие преступления, военные преступления, а вы – наш сотрудник и, по сути, укрываете...

– Я никого не укрываю. Я честно пытаюсь оказать вам содействие. Я утверждаю, что никаких военнопленных в Крум бойцы Печа привезти не могли.

– У нас точные данные. Люди пропали, погибли. Мы собираемся это проверить там, на месте.

– Я не спорю: кто-то из этих несчастных мог встретить свою смерть... там. Но вам не следует туда ездить, – тихо сказал учитель.

– Мы поедем в Крум, а вы поедете с нами.

– Нет. Ни за что.

– Мы доложим руководству, что вы отказались, – сказал Приходько.

– Я... я не могу. Если я поеду... даже если я вернусь, я буду вынужден уехать из села, все бросить. Я стану изгоем здесь.

– Но почему? Вы же взрослый образованный человек. Объясните нам.

– Вы иностранцы. Иностранцам это сложно объяснить. Видите во-он тот дом, там, наверху?

Приходько поднял глаза – мощенная булыжником улица, велосипедист, столбы с провисшими проводами, веревки с бельем, которое полощет ветер, и дальше над всем этим горы, а над их вершинами – то ли туман, то ли облака. Еще четверть часа назад небо было чистым и ясным, и вот уже что-то натянуло с севера. Какую-то муть.

– Кажется, дождь собирается, – жизнерадостным тоном Пятачка оповестила Рая Чистякова.

Она отчаянно скучала, не понимая ни слова. Пила свой кофе, благоразумно отказавшись от жирной подозрительного вида шаурмы. Грызла печенье из выданного сухого пайка. Она была разочарована: что в Требиште не оказалось базара, никаких поделок для туристов – ничего, что можно было бы привезти в качестве албанского сувенира.

Дом, на который указывал агент, был высоко – развалюха с проваленной крышей, с зияющими дырами окон.

– Его давно бы сожгли, но бояться, что пожар пойдет вниз, трудно тушить и пострадает все село.

Подошел хозяин кафе, что-то спросил.

– Не желаете пообедать? Он поджарит виршлу на углях, это колбаса, очень вкусно, я советую, – усмехнулся учитель Лека. – У него и ракия найдется. Все лучше, чем ехать туда. – Он жестом задержал хозяина кафе, показал на дом-развалюху. – Мне сорок, я помню тех, кто жил в том доме. ОН... он был старше нас... В семьдесят втором это было... да, точно... в семьдесят втором, ему тогда было двенадцать... У него было прозвище смешное Карамель, он любил сладкое...

«Кто знает, чем была Албания в 72-м? Наглухо закупоренная от внешнего мира страна. Мы ее, кажется, в школе по географии даже не проходили, – подумал Приходько. – Вроде и нет такой страны совсем».

– Его отец был партийный, возглавлял ячейку, у них в семье было много детей – кроме старшего по прозвищу Карамель, еще пять сестер и совсем маленький братишка – трехлетний. Всего семеро. Их мать умерла родами. Их всех считали детьми албанского народа, потому что отцу было некогда с ними возиться, он вечно был в разъездах, выступал на собраниях. Однажды он приехал из Шкодера и объявил, что организует в Крумском ущелье кооператив – животноводческий, кажется. – Учитель Лека покашлял в кулак. – Я сам этого, конечно, не помню, мал был, слышал потом. Эта история... о ней тут у нас не забывают. Ему говорили – старики говорили, что Крум – плохое место, что скот там не выживет, но он ничего не хотел слушать. Упрямый был человек. Местные все наотрез отказались, тогда он привез наемных рабочих, пастухов из аромунской¹ общины – откуда-то из долины. Было лето, каникулы, и он послал туда и Карамель... Я его хорошо помню, хотя и мал был. – Он обратился к хозяину кафе, и тот тоже кивнул – нехотя. – Вот он тоже помнит, он и Карамель были ровесники. Карамель находился в Круме около недели, считалось что это что-то вроде производственной практики. Что там было – я не знаю, никто из наших не знает. И куда делись пастухи-аромуны, тоже неизвестно. Тут у нас в селе потом было много полиции, когда ЭТО началось...

¹ Аромуны – народ, проживающий в Албании.

– Покороче, нам пора ехать, – нетерпеливо перебил Сокол. – Вон какие тучи, только грозы еще нам не хватало.

– Пожалуйста, выслушайте до конца, иначе я никогда не прощу себе, что не сумел отговорить, удержать вас, – тон агента изменился. – Что там случилось с ними со всеми в этом Круме, неизвестно. Скот, который туда пригнали, потом видели в разных местах – овец, коров... Через неделю Карамель появился в селе. Среди бела дня он шел по этой вот улице к себе домой. А там были только маленькие сестры и трехлетний братишка. Он зашел в дом, потом соседи слышали крики. Кричал ребенок, жутко кричал... Соседи выбили дверь. Карамель... он был там, в комнате. А его брат – он был у него. Карамель вцепился в него, как в свою добычу, – изорвал ему все лицо, откусил нос. Когда соседи ворвались, он не перестал терзать его, как волк, как бешеная собака. Там все было красное, липкое, а он – этот мальчишка... этот проклятый навечно... он чавкал и причмокивал, сосал, как пиявка, словно это было сладко – сладко... как карамель, которую он так любил. Прибежал полицейский, прибежал начальник отряда самообороны – вот его отец, – учитель снова кивнул на хозяина кафе, – они пытались с ним справиться, связать его, но куда там – он вырвался и убежал. Его искали... Перестали искать после того, как из больницы пропало тело его трехлетнего брата...

– Как это пропало? – спросил Приходько.

– Пропало. А потом одна за другой в течение нескольких ночей пропали и все девочки, сестры. Их хотели отвезти в Шкодер, но не успели.

– А их отец, этот партийный деятель?

– Он вернулся из города, когда все уже было кончено. Он понял, что он натворил. Что люди не простят такого. Он застрелился из ружья. Знаете, для него это был самый лучший выход. Иначе бы он тоже, как они...

– Что тоже? – Приходько встал. – Слушайте, я напишу рапорт майору Баерзу о том, как вы выполняете свои обязанности перед КЕЙ ФОР.

– Вот он, – агент ткнул в хозяина кафе, – видел ИХ. Он расскажет вам.

– Ну? – Приходько смерил хозяина кафе взглядом.

Короткий разговор по-албански.

– За деньги расскажет. – Учитель кашлянул. – Десять долларов достаточно.

Сокол с грохотом отодвинул стул. На его смуглом лице было написано: все, с меня хватит этой комедии! Но Приходько решил выдержать до конца. Не то чтобы ему было интересно (он давно вышел из возраста, когда интересуется ВОТ ТАКОЕ), не то чтобы оперативный опыт ему подсказывал – стоит, стоит послушать, а так... просто так. Это было что-то похожее на импульс, только вот он не понял – внутренний или внешний. Он достал из бумажника купюру и протянул ее хозяину кафе.

Тот вернулся к стойке, принес бутылку ракии, стаканы, налил всем, выпил сам. Голос у него был хриплый. Учитель Лека переводил:

– Это произошло через два месяца поздней осенью. Здесь, в селе, были мобилизованы все мужчины в отряд самообороны. Его взял с собой отец на ночное дежурство, он был старший отряда. Они ехали верхом. Было не так уж и поздно, хотя осенью рано темнеет. Они слышали рев скота и увидели у дороги несколько коров – из тех, что когда-то пригнали в Крум на пастбище. Коровы были все в мыле и мычали... А потом они с отцом увидели... Одним словом, на коров шла охота – там, в горах. Только охотились не волки, не шакалы, а... Их была целая стая. Он говорит, одна тварь на его глазах вспрыгнула корове на холку и впилась в шею, они повалили свою добычу в траву и начали пожирать живьем, растаскивая по траве кишки. Он говорит, отец заорал не своим голосом «Беги!» и хлестнул его коня плеткой. Тогда, в 72-м, здесь не было машин, только быстрый конь мог спасти...

– Детально опишите нашему водителю маршрут до Крума. – Приходько жестом оборвал обоих.

– Он говорит, их было семеро там в этой стае. Он даже кое-кого узнал, хотя ИХ уже было трудно узнать, очень трудно! – учитель Лека встал. – Я прошу вас. Вы не понимаете. Будет большая беда, если вы...

– Все собираемся и к машине. – Приходько кивнул Рае Чистяковой.

– Что они вам сказали? Почему у них такие лица? – Она вдруг не на шутку встревожилась. – Олег, ты... Митри... – Она обернулась к Соколу.

– Ничего, все пустое, – ответил тот. – Они просто не хотят, чтобы мы ехали в Крум. Боятся, что мы там обнаружим доказательства того, чем они тут все занимались во время войны, служа в банде этого мясника Печа.

В машине он продолжил свою мысль:

– Этот учитель не отрицает, что в селе много бывших бойцов отряда. Если мы что-то найдем в Круме, местная албанская полиция и прокуратура не смогут оставаться в стороне, начнется расследование, их всех потянут к ответу. Печ мертв, с него уже не спросишь, спросят с них – кто был в отряде, кто охранял пленных, кто транспортировал их, кто потом хоронил, прятал тела.

Приходько в этот момент увидел, как агент Лека подошел к шоферу Небойше и начал что-то сбивчиво и страстно ему втолковывать. Небойша вернулся за руль.

– Говорят, туда нет дороги, – сказал он после паузы.

– Туда есть дорога, пусть они не лгут.

Рая Чистякова достала ноутбук и открыла карту Google, увеличила, нашла снимки со спутника. Они сравнили со своей собственной картой.

– Получается, что, по официальным данным, Крум – это территория национального природного заказника, – сообщила Рая.

– А по нашим данным, это район базирования отряда Печа и место, где, возможно, проводились операции по изъятию донорских органов. – Сокол «перелистал» снимки со спутника.

Небойша обернулся к нему и вдруг что-то быстро, нервно произнес по-албански. Какое-то странное словосочетание почти целиком из шипящих.

– Замолчи, – отмахнулся Сокол. – Тебе самому-то не смешно?

– Чего это он? – нахмурился Приходько. Небойша, их переводчик, никогда не позволял себе такого.

– Говорит, что к нему обращался учитель, умолял повернуть назад. Он, мол, свой, должен понять, – Сокол поморщился, – про какую-то пиявку...

– Пиявку?

– Ну, пиявка, цріг по-нашему... черт знает что...

– Учитель сказал, это как зараза. Хуже чем вирус. И человека уже не существует. Слушайте, я хочу получить деньги за поездку, – выдал Небойша.

– Сейчас?

– Да, иначе я...

– Ты что там, в кустах гашиша накурился? – грубо оборвал Сокол, прибавив ругательство, понятное русскому уху и без перевода.

– Говорят – туда ехать опасно. Заплатите мне сейчас, хотя бы за половину пути.

Приходько, удержав Сокола, уже готового взорваться, сунул Небойше деньги – на, подавись. Не хватало только собачиться сейчас между собой.

– И все же, что случилось? О чем речь идет? Вы скрываете от меня – это нечестно. – Рая Чистякова нахмурилась. – А по-моему, вид у этого учителя был искренний.

– Нет времени пересказывать все эти глупости, – отмахнулся Сокол. – Знаете, коллега, после войны мы все здесь так мечтали жить в объединенной Европе, без границ. А теперь меня это объединение, этот «микст» что-то пугает. Какие преступления стали совершаться, я в полиции уже пятнадцать лет служу – ничего подобного раньше... Что они нам рассказали... Чушь собачью! Даже соврать не смогли правдоподобно, чтобы выгородить своих сельчан. Пиявка... Uprig... Это ж каменный век, Средневековье. Они до сих пор тут, в этих горах, живут по средневековому укладу. Когда здесь невеста замуж выходит, ее родня в качестве подарка жениху пулю дает. Чтоб было чем прикончить в случае ее измены, чтобы на патрон не расходоваться. А их кровная месть? Это дикий обычай. А их...

– Лучше бы к здешнему мулле заехали, – прервал его Приходько. – Право, было бы больше пользы.

Село Требиште давно исчезло за поворотом дороги. Но что-то осталось... Отголосок, эхо...

Тени стали длиннее, солнце садилось в тучу, похожую на гигантский дирижабль.

– Тут дожди если зарядят, то надолго, – сказал шофер Небойша.

Горная дорога, линия электропередачи, столб с указателем. И – черный «Мерседес», вставший словно ниоткуда, а за ним еще один – мимо, мимо. Какой-то местный набоб – чиновник или военный с охраной – на большой скорости с гор в направлении Шкодера. И снова столбы, столбы с указателями, эти вехи цивилизации.

И вдруг дорога, поднимавшаяся все выше, перевалив через гряду, пошла вниз, и возник перекресток. Направо уводило хоть и разбитое, но асфальтированное шоссе, туда же шла и высоковольтная линия. Налево змеилась ухабистая поросшая травой грунтовка. Видно было сразу, что по ней ездили мало.

– Сворачивай, – приказал Сокол, сверившись с картой.

Свернули налево и через два километра въехали в буковый лес. Лучи заходящего солнца сквозь кроны, тронутые желтизной. Небойша прибавил газа, то и дело поглядывая на навигатор. Дорога шла вниз. Приходько высунулся наружу и понял, что они уже едут по ущелью – буковый лес густо покрывал склоны, потом он поредел, и дорога ушла в туннель, пробитый в толще известняка, – очень короткий туннель, похожий на въездные ворота. Выхав из этих «ворот», они увидели что-то непонятное.

В склоне горы, как рана, зияли развалины. Это была старая церковь, высеченная прямо в известняке, – обвалившийся купол и маленький зал, похожий на открытую всем ветрам, всем дождям пещеру. У обочины дороги были разбросаны крупные валуны. Джип остановился – они все вышли. Валуны были нагромождены не просто кучей, складывалось впечатление, что когда-то очень давно они ПЕРЕГОРАЖИВАЛИ дорогу, как стена. Тут же был навален грудой и еще какой-то мусор. Приходько увидел старые автомобильные покрышки, сложенные вперемешку со сгнившим валежником и бревнами. Если скопище валунов было похоже на рукотворный барьер, то кучи покрышек и дров очень напоминали... кострища, которые кто-то подготовил, чтобы поджечь.

Приходько нагнулся и вытащил из мусора ржавую канистру. Она еще хранила запах бензина.

– Знаете на что это похоже? – сказала Рая Чистякова. – На рубеж обороны.

Они вошли в разрушенную церковь. Стены были густо замазаны черным. Возможно, тут когда-то были фрески, а может, и нет.

– Известняк. Тут в горах его раньше добывали, – сказал Сокол, дотрагиваясь до камня. – Значит, поблизости находится шахта или штольня. Надо узнать у кого-то из местных, не может такого быть, чтобы тут совсем никто не жил.

Мотор джипа нарушил тишину. Шофер Небойша включил магнитола, даже громкость прибавил: бормотание какой-то далекой радиостанции, помехи, обрывки музыки – рок-н-

ролл, снова помехи, щелчки, шипение, потом голоса, поющие албанскую песню, – волынка-гайда, флейта-зурна, барабан. И как будто это та же самая песня или все здешние песни похожи друг на друга? Один голос, два голоса, три-семь голосов, то сливающихся, то расходящихся октавой.

Налетел порыв ветра, и где-то там, за горой, глухо и пока еще невнятно заурчал гром. Радио умолкло. Солнечный свет стал оранжево-тусклым. Он не померк, не погас, он как-то тихо умирал, сочась сквозь листву – обтекая стволы, обволакивая ветви, делая все ясно видимым, четким, почти осязаемым и одновременно нереальным.

Это Олег Приходько по прозвищу Троянец помнил очень хорошо и очень долго – потом.

Оранжевость, яркость, распадающаяся на отдельные пятна. По лобовому стеклу и по крыше джипа забарабанили капли. Все быстрее, все громче, все чаще. И вот уже дробь превратилась в ливень. Гром прогремел ближе, но по-прежнему мягко. И молнии никакой не было перед этим – они не заметили молнии. Их взгляды приковало ДРУГОЕ.

Облупленные домишки под черепичными крышами ползли вверх уступами по склону горы среди зелени и серых камней. Разбитая, выложенная булыжником улица уводила к рыночной площади. На самом верху – развалюха с проваленной крышей и зияющими дырами окон – и ВСЕ ЭТО сквозь струи дождя, сквозь мокрую мглу, которую хотелось раздвинуть руками, откинуть прочь, чтобы убедиться... что это действительно существует – здесь. И там – в Требиште, которое они покинули... Или только здесь... Пропитанная дождем призрачная копия, слайд, вмонтированный в пейзаж, обман зрения?

Словно и не было никакой дороги в Крум...

Только вот не хватало кое-каких деталей в этой КОПИИ. Не было минарета мечети. И гнезда аиста на высоком дереве тоже не было. Там, среди сучьев, промелькнула какая-то косматая тень – точно кто-то сидел в дозоре...

Шум дождя...

Шорох шин...

Джип остановился. Включенные дворники еле справлялись с потоками воды. Сквозь лобовое стекло они увидели...

– Иншалла! – прошептал Небойша.

Вбитый в булыжную мостовую кол, почерневший от крови. Человеческий череп на его острие.

С грохотом вылетело лобовое стекло.

В шуме ливня, в мутной хляби, в реве ветра выстрелы прозвучали как беспомощные хлопки. И оборвались. Их никто не услышал. Чуть дольше слышны были крики – особенно женский, пронзительный, страшный, вибрирующий от боли.

Ливень впитал и его, как губка.

Впитал, заглушил ВСЕ.

А потом смыл следы, не оставляя доказательств.

Глава 2

Балканский циклон

Восемь месяцев спустя. Москва.

– «В столичном регионе теплая и сухая погода, установившаяся здесь в середине мая, сменится обильными осадками и усилением ветра. Их принес с собой мощный балканский циклон...»

Катя Петровская, капитан милиции, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, приглушила звук телевизора: прогноз погоды – это все, что она хотела узнать.

– Если польет дождь, авторалли отменят, – сказал ее шеф. – Ну не совсем, а перенесут, гаишники перед зрителями блеснуть жаждут экстримом, ради этого гонки и затеваются, а в дождь народ не соберется. И какой тогда смысл гонять – самолюбие тешить? А мы на это ралли уже три телеканала пригласили. И все коту под хвост из-за какого-то балканского циклона... черти принесли...

Катя лишь пожала плечами. А я что могу? Тема погоды в последнее время как-то уж часто, слишком часто стала всплывать в ее жизни. О погоде, например, постоянно бубнил по телефону ее муж – Вадим Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне «Драгоценным В.А.». Видимо, когда не особо есть о чем говорить, погода и все, что с ней связано, – настоящая палочка-выручалочка. «Здесь похолодало». – «А ты плащ не взял». «Тут жара несусветная». – «Смотри не сгни на солнце». В последние месяцы их домашние разговоры звучали именно так. Драгоценный в качестве начальника личной охраны сопровождал своего работодателя Чугунова, который в связи с преклонным возрастом, ухудшением здоровья, а также свалившимся так некстати глобальным экономическим кризисом приостановил свои дела и отправился лечиться в Европу. Сначала были клиники Германии, неудачная операция, потом клиника под Парижем, восстановительный курс в Ницце. Затем Индия – какой-то раскрученный ашрам в Симле. И вот снова Германия – анализы, исследования.

Разлука что-то затянулась. И у Кати было такое ощущение, что она, эта самая разлука с Драгоценным, как этот пресловутый кризис, «еще не достигла дна».

Если они практически ни о чем не говорили, кроме погоды...

Возможно, Катя была виновата. Скорее да, чем нет.

Но все дело было в том, что чем больше они с Драгоценным беседовали по телефону о погоде в Ницце или в Мюнхене, тем быстрее Катя привыкала к мысли, что, наверное, уже ничего в их отношениях не изменится.

И вот пришел балканский циклон. Небеса разверзлись.

– Мы должны выдавать на-гора позитив, – вздохнул шеф. – Требуют это с нас, вынь да положь. А вот взял я сводку и читаю: тяжкие телесные со смертельным исходом, пьяная поножовщина, два случая уличного грабежа – отобрали у малолеток мобильники, угон бетономешалки – не раскрыт, угон «Шевроле» в Люберцах – не раскрыт. Вон коллегия прокуратуры прошла, какие там цифры по раскрываемости приводились по тяжким и особо тяжким, по убийствам? Страшно сказать какие. И где, спрашивается, он, этот позитив? Кто кого спас? Кто кого вытащил из полыни? И лед-то давно уже на реках Подмоскovie растаял. Грохнули какого-то боевика в Назрани – что, как, все засекречено. Коллегия присяжных в Москве вынесла оправдательный вердикт... а у обвиняемого пять убийств на счету! А надо давать позитив. Я с начальником отдела убийств Колосовым планировал интервью расширенное по итогам его кавказской командировки, так задерживается он... На авторалли

ГИБДД надежды были – блеснем, а теперь это вилами по воде... Какие предложения в связи с творческим кризисом?

– Можно о сотрудниках написать. Это всегда выручает, – дежурным тоном откликнулась Катя.

– А разве кто остался неохваченным из достойных?

– Можно о молодых.

– Обойдутся. Пусть служат. Слушай, Екатерина... А есть один неохваченный, о нем никто не писал, ни мы, ни «Щит и меч», ни «Петровка». Я тут был в министерстве на днях, разговорился с приятелем одним, и в разговоре фамилия Приходько всплыла. Не слышала эту фамилию?

– Нет.

– А он ведь тут начинал, в нашем главке, работал в розыске в отделе по борьбе с кражами и угонами. А потом был командирован в российское отделение международных сил КЕЙ ФОР в Косово – но это давно, почти десять лет назад. А в прошлом году был снова в командировке там, на Балканах. Олег Иванович Приходько – полковник милиции, вот я записал. Чем не достойная для хорошего очерка фигура? Тем более он наш, по сути, раз тут у нас в области начинал. Займись им, а?

– Давайте его телефон в министерстве.

– Он в госпитале сейчас.

– Раненый?

– Точно не знаю. – Шеф помолчал. – Кандидатура что надо – полковник, бывший опер, побывал в «горячей точке» в Косове, теперь вот вернулся из новой зарубежной командировки. В общем, герой. А также тема международного сотрудничества в области охраны законности и правопорядка, борьба с европейской преступностью – это чем не позитив? И в русле, так сказать, новых веяний.

– Если он в госпитале, да к тому же раненый, боюсь, что не очень к нему прорвешься.

– Я все узнаю, если понадобится, будет звонок из министерства. Не волнуйся, ты к этому Приходько попадешь. Ну что, как идея?

Катя снова пожала плечами:

– Прекрасная идея. А где именно он был в командировке?

– Мне сказали – в Албании, что-то вроде какой-то следственно-оперативной группы при миссии ООН, связано с военными преступлениями. Сама понимаешь, таких людей у нас в МВД немного.

– Хорошо, – кивнула Катя.

И действительно – надо же о ком-то писать, давать позитив о работе правоохранительных органов – и в ведомственные, и в гражданские издания.

Этот легкомысленный кивок, это глупенькое «хорошо»... Как часто она потом вспоминала это мгновение. Как просто ведь было отказаться. Или не так уж просто? Что, если некоторые темы сами выбирают нас, независимо от нашей воли, а мы, наивные, верим, что это мы по своему желанию выбрали именно ЭТОТ ПУТЬ?

А может быть, причиной всему был БАЛКАНСКИЙ ЦИКЛОН, о котором трубили метеопрогнозы?

Он заявил о себе уже ночью. Странно было слышать в мае после теплых, почти жарких солнечных дней, как воет на чердаке ветер – совсем по-осеннему тоскливо и злобно. Как он хочет пробраться внутрь – высадив стекла окон, разрушив крепкие стены, чтобы поохотиться всласть в новых угодьях, утолив свой неистовый балканский голод.

Глава 3

Вечер в Архангельском

Ума Турман – белокурая бестия – взмахнула клинком... Рассеченный, раненный насмерть, изувеченный американский... Кровь горлом... булькающий хрип... О, великолепная мамочка! Черная мамба – американская мечта, ты показала класс, показала истинный класс... Ну, а еще что ты можешь, Ума? Покажи мне все, ПОКАЖИ, КАК ЭТО ДЕЛАЮТ, – я весь целиком на острие твоего меча...

– Данила, выключи телевизор!

– Это плеер, мама.

– Все равно выключи.

– Это «Убить Билла-2».

– Что?

Мать возникла на пороге гостиной. Данила не обратил внимания, он следил за тем, что происходило на экране. Героиня Умы Турман Черная мамба не просто сражалась, она убивала – нет, ДОБИВАЛА кого-то, корчившегося от боли.

Даниле Москалеву скоро должно было исполниться двенадцать. Он был крепкий, не по годам развитый мальчик. Совсем недавно он подслушал разговор родителей о себе – мать говорила отцу о каком-то «раннем созревании, переломном моменте».

Мать вообще чересчур много им занималась, постоянно контролировала: «Я люблю тебя, я очень тебя люблю. Ты самое дорогое, что у меня есть. Если бы ты знал, как трудно ты мне достался, какие были тяжелые роды. Но когда мне тебя принесли, маленького, совсем крошечного, в одеяльце... боже мой... Ты всегда должен помнить, как я люблю тебя, каких сил мне стоило то наше вынужденное расставание с тобой».

Вынужденное расставание – так мать называла четыре последних года, которые Данила провел в доме бабушки в Питере. Отец Данилы Виктор Москалев – генерал-майор, командир спецназа внутренних войск МВД – был назначен начальником Антитеррористического центра на Северном Кавказе. Его жена Регина поехала с ним сначала в Моздок, потом в Нальчик. Данилу в Нальчик родители с собой не взяли. Питер и бабушка были признаны гораздо более безопасным вариантом. В итоге четыре года жили врозь, с редкими наездами во время отпуска.

Этой зимой жизнь семьи снова переменилась – генерал Москалев был отозван в Москву и ожидал повышения. Семья поселилась на государственной даче в подмосковном Красногорске. Коттеджный поселок «Старица» располагался рядом с усадьбой Архангельское. Дома были добротные, новые, инфраструктура развитой, рукой подать до чудесного Архангельского парка, до старицы Москвы-реки. В поселке жили в основном бизнесмены и чиновники-федералы. Последние получали назначения и отправлялись к месту службы на периферию, освобождая госдачи. Бизнесмены же в связи с кризисом пачками уезжали за границу. Свою дачную недвижимость пытались сдать, но им в этом что-то не очень везло. Так что, несмотря на чудесные окрестности и развитую инфраструктуру, большинство особняков в поселке пустовало.

Это Данила отметил сразу во время первой же своей прогулки. Со школой, в которую он поступил, точнее, с показательной красногорской гимназией, тоже что-то не заладилось. Он привык к питерской своей школе на Лиговке. И был рад, что этот учебный год практически закончен.

Впрочем, друзей особых у него не было и на Лиговке. Максимум, на что его хватало, это смотреть с пацанами в кино – глянуть «Матрицу» или «Другой мир». Но все это были

ненастоящие фильмы, какие-то комиксы для малолеток, там все было бутафорским, виртуальным, и страха особого не было, и боли настоящей. Фильмы, которые задевали его за живое, как, например, эта Черная мамба, он не любил делить ни с кем и смотрел в одиночку.

Прекрасная Ума со своим нелепым самурайским мечом... Взмах! Вопль! Вырванный глаз – и каблучком на него... Расплющивая в слизь...

Или та сцена драки в «Кванте милосердия»...

А кадры «метания копий» в «Апокалипсисе» Мэла Гибсона, все так натурально было снято – копье летит, вонзается в бегущего пленника, и он корчится на траве, как жук на булавке, землю царапает... Наверное, много грязи потом из-под ногтей актерам пришлось выковыривать.

– Ты чем тут занимаешься?

– Чищу ногти.

– Детка... Этот фильм... Выключи, это сплошное насилие. – Мать смотрела на экран. – Я не понимаю, как тебе может нравиться такое. Отец не переносит. Он звонил, он едет домой, сейчас будем все ужинать. Так что выключи, ты же знаешь, он будет ругаться.

Отец-генерал и правда ругался, когда заставлял Данилу за просмотром такого кино. Данила не понимал отца – как так? Ведь сам сколько лет провел на войне, в «горячих точках» – сначала был в Косове, сам рассказывал, в каких-то там международных силах КЕЙФОР, потом в Чечне, в Дагестане. Борьба с терроризмом на Северном Кавказе, с вооруженными бандитами. Бандитов в плен не берут, вон по телевизору всегда сообщают – «убиты в ходе спецоперации, так как оказывали активное сопротивление». Данила в свои двенадцать неплохо во всем этом разбирался. В душе он был доволен, что его отец – генерал, это как-то грело. Не то чтобы крылья вырастали, но все равно это было приятно. Отец – генерал, герой-воин... Когда-нибудь он расскажет, КАК ЭТО БЫВАЕТ. КАК ЭТО ПРОИСХОДИТ НА САМОМ ДЕЛЕ. Уж он-то знает наверняка. И какой резон ему это скрывать? Вот уже несколько раз он обмолвился, что хотел бы, чтобы и Данила после школы поступил в военное училище. Ну если не в училище, то в Военный институт или в Высшую школу ФСБ или МВД.

Так отчего же он гневается, когда застаёт его, Данилу, за просмотром фильма Квентина Тарантино, где убивают и...

Странные люди – эти взрослые...

Мать не уходила из гостиной, и «Убить Билла» пришлось выключить. Мать подошла, потрепала его по голове, заботливо пощупала лоб.

– Как в школе?

– Двадцать третьего заканчиваем.

– Отец ждет назначения. Так что в ближайшее время нам всем вместе поехать отдыхать не удастся. Может быть, в августе.

Мать нравилась Даниле. Она была молодой и современной. Мелировала волосы, носила джинсы. Была высокой и стройной. Они с отцом были отличной парой – хорошо смотрелись со стороны.

– Ты куда, детка?

– Погуляю.

– Сейчас папа приедет, будем ужинать.

– Не хочется, голова болит.

– Ну хорошо, только недолго. Пойдешь в парк? Смотри, осторожнее.

Данила не ответил. Мать, только не начинай... детка... очень люблю, когда тебя принесли такого крохотного в одеяльце...

О своем появлении на свет Данила знал массу ненужных подробностей. Сморщенное личико, волосенки на голове, и самое главное – зубы. Оказывается, он родился уже с

зубами – с двумя-тремя малюсенькими молочными клыками. Мать отчего-то это так умиляло, так умиляло. Она вздохнула по телефону могла часами рассказывать старым питерским своим подругам еще по институту, как Данила, когда она кормила его грудью, кусал... Он кусался...

Данила однажды представил себе, как это было. И что-то произошло. Случилось – один в один такое же, как, бывало, смотришь в Интернете тайком порнушку. Пришлось даже в туалет метнуться. А потом сидеть с пылающими щеками в гостиной, задыхаться, гадать – заметил ли отец, заметила ли она...

– Данила, а разве парк уже не закрыт? Семь часов. И погода портится.

Данила и на это не ответил матери. Хлопнул входной дверью, скатился по лестнице, выскочил за ворота.

В парк Архангельское он никогда не ходил через главные ворота, где была касса и продавали билеты. У него был свой путь туда. Он открыл его для себя еще зимой. Правда, тогда навалило высокие сугробы и преодолевать ограду было легко. Но потом он нашел липу, растущую у ограды. Взобраться на нее было пара пустяков, а уж затем как по мосту. Ловкости ему было не занимать.

Зелень и свет. Зелень майская, свет вечерний. К тому же погода и правда подвела: серое облако – первое в нескончаемой череде облаков, появившихся неизвестно откуда, зацепилось за шпиль башни, венчающей Старый дворец. Данила по аллее быстро дошел до террас, взобрался наверх. Вот здесь хорошо, далеко видно – луга, поля, рощи, весь парк как на ладони. Это место...

«Хорошо бы тут остаться насовсем, – думал Данила. – И жить бы здесь». Не в этом скучном дворце-музее, где тетки-смотрительницы заставляют надевать безразмерные войлочные тапки, а тут, в парке... в этом парке...

Ночью, когда светит луна.

И в сумерках, когда туман ползет с реки.

И днем, когда начинает накрапывать дождь.

Когда пропадают толпы туристов, когда охрана запирает ворота, когда все уходят, прячутся по домам...

Это хорошо или плохо, когда тебя все боятся?

Гуляющие в парке спешили к выходу: молодые мамы с колясками, стайка девиц. Данила провожал их взглядом. Первые капли дождя заставили его спуститься и нырнуть в боковую аллею.

Белые статуи, мокрый мрамор, темные стволы лип. Данила натянул на голову капюшон – дождь, а ему нипочем. Вот искусственный грот, если там затаится, а потом выскочить с криком, то, возможно, те, кто будет мимо проходить... те девчонки, которые вчера играли тут в бадминтон, в обморок хлопнутся или же обо...ся – вот будет умора!

Они будут визжать, но их никто не услышит. А он...

То, что он видел на экране во всех этих «биллах», «квантах», «бондах», «чужих», то, что было на мониторе, когда он самозабвенно играл, жил там, в виртуале компьютерной игры, – ВСЕ ЭТО сейчас плескалось, как море, где-то там, далеко внутри, куда лень было заглядывать. Все это он уже проходил, как алгебру. Все это было уже надоевшим и пресным.

Даже Черная мамба – мамочка Ума... А ведь не прошло и часа, как он следил за ней, затаив дыхание.

И вот все улетучилось в один миг. Данила чувствовал пустоту. Это было непривычно, дискомфортно. Непонятный неприятный внутренний вакуум должно было что-то заполнить – очень скоро, совсем скоро.

Данила посмотрел на свои ладони, они были мокрые от дождя или от пота. Что-то должно было случиться.

Он поплелся по аллее, поднялся по ступенькам под своды открытой колоннады. Куртка и джинсы промокли насквозь, но он не замечал этого. Прислонившись к колонне, он смотрел на дождь. Невысокий русоволосый мальчик – крепкий, спортивный.

Двое охранников, шедших по аллее, не обратили на него внимания. Как не обращали внимания и на старую липу возле театра Гонзаго, по ветвям которой ловкому существу ничего не стоило пробраться в Архангельский парк хоть днем, хоть ночью.

Глава 4

My love...

– Слушай, долго мне еще унижаться тут перед тобой?!

– Тебя никто не заставляет унижаться.

– Ты не заставляешь?

– Я? Дорогой мой, веди себя потише, сотрудники услышат.

– Плевать, пусть слышат. Мне деньги нужны сегодня!

За панорамным окном офиса – потоки дождя. Сумерки, огни. Конец рабочего дня...

– У меня нет денег. – Анна Гаррис сделала плавный жест, разводя руками.

Холеные руки, на безымянном пальце колечко – «Тиффани», безупречный маникюр, серый неброский брючный костюм, полностью соответствующий деловому дресс-коду, тщательно уложенные светлые локоны. Что еще нужно энергичной самодостаточной сорокавосемилетней женщине для счастья?

Муж – иностранец? Был американец из штата Айдахо, владелец фирмы лакокрасочных изделий. Они познакомились в 98-м через агентство, переписывались, потом он приезжал в Москву на смотрины, затем сделал предложение. Ему не терпелось отведать «русской жены», а ей в 98-м просто хотелось выбраться в большой мир, слить от бедности, проблем, от дефолта. Они прожили три года, а потом муж решил, что «русской жены» с него хватит, и переключился на поиски жены-мексиканки. Зацепиться, осесть в Америке не удалось, пришлось вернуться. На память о тех временах остались только американская фамилия Гаррис и кое-какие сбережения, которые позволили здесь, дома, встать на ноги, войти полноправным партнером в бизнес, играть на бирже.

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

Когда он так говорит... таким голосом... Вор, негодяй... Мошенник, подонок, на меня ВСЕ ЭТО больше не действует – тон, взгляд...

Вор... лжец...

– Я ухожу. Прощай.

– Нет! Андрей!

Кабинет Анны Гаррис, корпоративного директора по работе с персоналом, был отделен от помещения, где трудились сотрудники инвестиционного фонда, стеной из прозрачного пластика. Две трети сотрудников, оторвавшись от мониторов, с живейшим любопытством наблюдали за сценой, разворачивавшейся в «аквариуме».

Но корпоративный директор этого уже не замечала. Он же ненормальный, он действительно уйдет – с него станется. И она не увидит его больше никогда. Чем, чем она может его удержать? Крашеными волосами? Растяжками на бедрах? Вечной непреходящей диетой своей – утром овсянка на воде, этот проклятый зеленый чай, днем опостылевшая отварная рыба и овощи на пару, от которых тошнит до самого вечера?

Пятнадцать лет – огромная разница. Где были ее мозги, когда они познакомились? Она вышла из ГУМа нагруженная пакетами. Наступил март, и было очень скользко, а чтобы поймать машину до дома, следовало пройти по Никольской. А он подошел и спросил: куда вас отвезти? Сначала она подумала, что это бомбила, потом, увидев его «БМВ», решила, что это чей-то водила, подрабатывающий на хозяйском авто. Но это была его машина. Он довез ее до дома, не взял ни копейки. Сказал, что у нее потрясающие духи. Ей, идиотке, сразу бы тогда догадаться, что это просто жиголо, караулящий у ГУМа добычу – баб со средствами, из тех, которые и в кризис могут себе позволить зайти в «Боско», в «Барберри», в «Сония Рикель». А она не догадалась.

Ей (неужели она тогда уже в него влюбилась?) показалось, что этот парень, этот молодой мужчина – или прибалт, или сотрудник МИДа. Отчего именно такой расклад – «прибалт», «мидовец», – она и сама толком не понимала, наверное, тут все совпало – его внешность, его одежда (синий кашемировый шарф, черный бушлат), его вежливость, его юмор, его манеры. Он так мило и так едко злословил о правительстве, когда они проезжали Кремль, что сразу было видно, что это «наш человек», просвещенный вольнодумец, не зашоренный комплексами, потом так же злословил про олигархов, про кризис высказал пару-тройку горько-мудрых мыслишек, сказал еще, что «с такой, как вы, умной женщиной легко разговаривать, потому что вы понимаете с полуслова».

– Как вас зовут? – это она спросила его. Сама спросила. Он не навязывался. Хитрец! Он знал, как подобрать ключ к такой «умной», как она.

Его звали Андрей Угаров. И он не был ни прибалтом, ни сотрудником МИДа. Это она узнала гораздо позже, узнала и то, что он моложе ее на пятнадцать лет. Узнала, что в принципе она для него – та жирная курица, которую надо ощипать до последнего перышка. Но было уже слишком поздно. Эти открытия ничего уже не могли изменить.

– Андрей! Ты куда?

Он хлопнул дверью так, что хлипкий «аквариум» дрогнул. Она вскочила из-за стола. Догнала его уже у лифта. Это был Новинский пассаж. Инвестиционный фонд занимал весь шестой этаж. На первом этаже располагались торговый центр, кафе, рестораны, химчистка, несколько радиостанций. И везде были стены из прозрачного пластика, и некуда было укрыться от зевак.

Лифт – она ринулась за ним в тесную кабинку. Его лицо так близко... Вор, негодяй...

– Давай поговорим.

– Не о чем больше разговаривать. Тебе хочется, чтобы я унижался. Так я не буду. И так уж, баста. – Он отбросил от себя ее руки.

– У меня правда нет денег. Свободных нет.

– А вот этого не надо... Врать не надо. Что для тебя эти сто пятьдесят тысяч?

Он просил не доллары и не евро, он действительно на этот раз просил «в рублях». В прошлый раз было две тысячи евро, а до этого сто тысяч рублей, и потом еще три тысячи – уже долларов, и вот теперь снова...

– Но сейчас время такое, все ужимаются, сокращают расходы. – Она почти оправдывалась перед ним. – Нужно жить по средствам, Андрей... Никто не заставлял тебя брать эти сумасшедшие кредиты...

Кредиты... Она даже в этом не была уверена, что он что-то где-то брал и теперь ему надо срочно отдавать, гасить задолженности. Вор, негодяй, обманщик...

– Не читай мне нотаций в лифте.

– Я просто... это не...

– Ну, убей меня за то, что я наделал долгов.

Он наклонился к ней. Высокий и стройный.

– Лучше ты, чем другие.

– Что ты сказал?

– Ничего. Это мои дела. Все, приехали.

Лифт открыл двери. Огромный торговый зал. И они на виду у всех, как на ладони.

– Тебе что, кто-то угрожает? Ты кому-то задолжал?

– Не бери в голову. Прощай, Аня.

– Подожди, – она схватила его за руку, – Андрей, скажи мне правду. Тебе правда угрожают?

– Я с этим разберусь сам. Один.

Один... А ей мечталось, чтобы они все делали вместе, вдвоем... Пятнадцать лет разницы – при строжайшей диете, при регулярных походах в СПА-центр, может быть, это не так уж и много? В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЧТО ТАКОЕ ЭТИ СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ...

Только вчера в новостях она слышала о какой-то немке-миллионерше, которая попала в сети международному жиголо на альпийском курорте. Тот требовал сначала восемь миллионов, потом еще сорок... Она слушала, качала головой: бедная, бедная, надо же так проколоться...

ОН все лжет. И о том, что ему угрожают, тоже лжет. Я ни единому слову его не верю, потому что он вор и подонок... обаятельный подонок...

– Возвращайся к себе, Аня. И прости за резкий тон. – Он дотронулся до ее лица. – Ни о чем не беспокойся. Я все понимаю, сейчас время такое, надо о себе думать в первую очередь. Я только не хочу, чтобы мы лгали друг другу. Я тебе говорил – я из-за лжи со своей бывшей расстался. Противно стало – вечное вранье... Когда я чувствую, что мне лгут, особенно любимая женщина, ради которой умереть готов, то я... – Он махнул рукой.

– Андрей!

Анна Гаррис, корпоративный директор по управлению персоналом, не узнала своего голоса.

Это она ему лжет? Она? А он готов «ради нее умереть»?

– Тут есть банкомат. У меня кредитка с собой. Сколько ты сказал надо – сто пятьдесят?

Банкомат, где получали зарплату все сотрудники фонда, к счастью, работал. Она сняла деньги в два приема. Это был срочный депозит, и в результате проценты накрылись, но она уже об этом не думала. Как так вышло, что она об этом даже не переживала?

Андрей Угаров забрал деньги. Он был, кажется, смущен.

– Спасибо, Аня.

Они вместе вернулись к лифту.

– У нас в семь совещание, я буду дома часов в десять. Заедешь?

– Нет.

– Нет?

– Я деньги должен отвезти. Расплатиться надо сегодня. Иначе...

– Я поняла. – Она почувствовала, что не может больше владеть собой, корчить из себя эту чертову бизнес-леди. Она порывисто обняла его, прижалась к нему, пряча лицо на его груди. – Андрей, Андрюша... будь осторожен... Эти люди, кто бы они ни были, держись подальше от них... Обещаешь мне?

– Обещаю. – Он поцеловал ее в губы.

Двери лифта открылись. А у нее ноги подкашивались, она уже не могла сделать и шага – бедная, бедная, это ж надо так проколоться...

Она вернулась к себе в офис, прошла в туалет и там долго стояла перед зеркалом, все смотрела на себя.

Андрей Угаров с деньгами вышел из Новинского пассажа. Вечерело. Накрапывал дождь. Его принес с собой какой-то балканский циклон. Сев в машину, Угаров закурил, включил радио – прослушал прогноз, нашел музыку. Нехилый музон, кажется, Бьерк – My love...

Мимо по тротуару молодая мать с малышом на руках спешит, торопится на троллейбус «бэшку». Карапуз лет пяти что-то канючит, она очень нежно обнимает его, защищая от дождя. Мать и сын... Угаров проводил их взглядом.

Вообще-то он никуда не торопился. Перелистал записную книжку, подумал и выбрал один номер из многих:

– Алло, Полин... привет... никуда не пропал, как видишь... дела были срочные... Какие дела? Встретимся, расскажу. Ты сегодня когда заканчиваешь? Уже? Слушай, тогда я прямо домой к тебе, а? Ну ладно... чего ты... я соскучился безумно...

Он долго с улыбкой слушал, как на том конце Полина гневно выговаривала ему тонким от волнения голоском, изредка миролюбиво поддакивая. Он вообще был настроен благодушно и снисходительно в этот вечер. Весьма удачный, хоть и дождливый вечер.

Спустя час его «БМВ» свернул с МКАД в районе Красногорска. Еще через десять минут он уже ехал по шоссе, огибавшему Архангельский парк. Его целью был поселок Воронки – здесь, в старой пятиэтажке, та, кому он звонил и с которой желал провести эту ночь, снимала однокомнатную квартиру, чтобы не создавать проблем матери и младшей сестре.

Дворники ритмично скользили по стеклу, дождь расходился все круче. Возле театра Гонзаго Угарову пришлось резко затормозить. Кто-то ринулся через дорогу, едва не попав под колеса. Угаров успел лишь заметить невысокую фигурку в яркой красно-синей куртке. Кажется, это был ребенок. Впрочем, понять что-то точно в этой мокрой мгле, ослепнув от фар встречных машин, было трудно.

Глава 5

В госпитале ночью

Из окон хирургического отделения на четырнадцатом этаже нового корпуса можно видеть жилой комплекс «Алые паруса». В этот час – поздний ночной час – «Паруса» темны и нет в них ничего «алого». Из окон старого лечебного корпуса обзору доступен только парк – скупо освещаемый фонарями, заливаемый дождем.

Верочка Дягилева, младшая санитарка, захлопнула окно – бррр! Сырость какая! Когда вам всего двадцать лет и у вас впереди выпускные экзамены в медучилище, а вы из-за хронического безденежья вынуждены подрабатывать ночной санитаркой в военном госпитале, дождь и сырость – единственные ваши враги. Утром будут лужи, а у вас новые туфли, купленные на распродаже, и как они поведут себя, намокнув?

До метро две остановки, но троллейбуса вечно не дождешься, придется пешком – утром, по лужам. А сейчас ночь – почти два часа уже. Госпиталь тих, госпиталь спит. Только в отделениях реанимации и интенсивной терапии горят все окна. И еще одно окно светится в старом лечебном корпусе на третьем этаже в том крыле, которое практически пустует, потому что за стенами – грандиозная стройка: к лечебному корпусу с той стороны пристраивают новое современное здание. Точнее, оно уже построено, там идут отделочные работы.

Военный госпиталь в мае месяце набит под завязку больными. И только левое крыло не заполнено. Теоретически больных там нет, но отчего же тогда свет горит в одной из палат? И отчего ей, Верочке Дягилевой, так не хочется идти туда? А идти надо – железная тележка, на которой младшая санитарка развозит по отделениям все необходимое: одноразовые шприцы, клизмы, вату, памперсы для тяжелобольных, ждет. И в наряде указано: старый корпус, левое крыло, третий этаж.

Странные слухи ходят в последние месяцы по госпиталю. До того странные, что... Особенно после несчастного случая с тем солдатом, который работал медбратом как раз в левом крыле. Этих событий Верочка не застала, все произошло накануне ее прихода на работу в госпиталь. Но слухи... Она сразу окунулась в них, как в водоворот.

Верочка закатила тележку с медикаментами в грузовой лифт. Из нового корпуса в старый длинный путь. Надо спуститься на второй этаж и пройти нескончаемым холодным переходом. Ночью в нем гулко отдаются шаги. Из экономии свет в просторных холлах погашен, и все огромное пространство теряется во мраке. Переход упирается в холл старого корпуса, и здесь все совсем другое: широкие крутые лестницы из гранита, массивные двери. Когда-то старый лечебный корпус был главным и единственным. Его строили после войны в стиле сталинского ампира – узкие окна, как бойницы, колонны, массивные подоконники. На втором этаже, через который надо идти до другого лифта, находится поликлиника госпиталя. И здесь еще кое-где сохранилась подлинная мебель сталинских времен. И даже немецкие часы в кабинете заведующего бьют каждые полчаса как-то «по-сталински» – как в старых фильмах, которые уже трудно смотреть.

Бом-м-м!

Когда построят корпус, здесь, наверное, тоже все поменяют – декор, обстановку. Как в прошлом меняли медицинское оборудование – на самое продвинутое и современное.

Лифт тоже новый, но шахта и тросы какие-то скрипучие. Или это ночью просто чудится от недосыпа, от волнения? А чего она, собственно, волнуется? Вот и дверь отделения. Заперта, надо звонить. Странно, ведь это не инфекционный бокс, к чему тут запирается?

Санитарка Верочка позвонила. Тишина. Она позвонила снова – шаги. Дверь отделения открылась.

– Здравствуйте, Наталья Николаевна, я вот тут все вам привезла.

– Везите все в процедурный кабинет.

Верочка просунула тяжелую тележку в дверь. Наталья Николаевна Багрова – старшая медсестра. Верочка встречалась с ней в хирургическом отделении и в гастроэнтерологии. А теперь она здесь. И тоже на ночном дежурстве. Наталья Николаевна – молодая тридцатилетняя брюнетка со стрижкой «под Земфиру». Она учится в Первом медицинском. Пару месяцев назад она даже выручила Верочку конспектами лекций по анатомии. Так отчего же сейчас у нее такое неприветливое, такое напряженное лицо?

– Ну как вы тут? Как дежурство? – Верочка щебетала оживленным шепотом. Громко нельзя – ночь, надо соблюдать режим.

– Все нормально. Везите быстрее!

– Сейчас, сейчас.

Верочка потянулась рукой к двери.

– Это же палата! Там больной. Вы что, спите на ходу? Процедурная прямо по коридору, последняя дверь.

Верочка съежилась. Что она разоряется, я же ничего такого... Так вот, значит, в какой палате по ночам горит свет. Его включают каждую ночь и гасят только на заре. Что же это за больной такой, который по ночам спит при свете? Верочка глянула на номер: палата № 36. Но тройка – это номер этажа, получается как у Чехова, что ли? Палата номер 6?

Она начала аккуратно раскладывать все по шкафам. Прислушалась: тихо в отделении. Удивительно, что здесь нет больных. Точнее, всего один больной. Ну, понятно, конечно, стройка за стеной, шум, бывает, что и воду отключат, но это раньше, а теперь там, за стеной, просто отделочные работы, по сути, ремонт. А больных сюда все равно не кладут. Как будто здесь инфекционное отделение, хотя ничто на это не указывает. Специальные инфекционные боксы находятся вовсе не здесь.

И кто там может лежать, в этой шестой палате? Между прочим, раньше в старом корпусе именно на третьем этаже располагалось «генеральское» отделение, а сейчас в связи с ремонтом, с перепланировкой все смешалось, перепуталось.

Хотя ей-то, собственно, что за дело? Сейчас она выполнит свою работу, все тут разложит по полочкам, чтобы легко можно было найти и взять. И вернется к себе в хирургию. И будет смотреть из окна на темную громаду «Алых парусов», слушать, как шумит за окном дождь... И может быть, Мишке отобьет ночную эсэмэску, чтобы прочел, когда проснется утром, чтобы первой его мыслью стала она, Верочка...

Странные слухи бродят по госпиталю об этом отделении, об этой палате, где всегда по ночам горит свет. А она вот тут уже десять минут и не увидела ничего такого странного.

Тот солдат – медбрат, хоть и жив остался, ничего, кажется, никому не сказал. А потом его срочно увезли в какой-то другой госпиталь, кажется, в Реутово – от греха подальше...

А она тут и ничего ТАКОГО не замечает. И тележка почти уже разгружена. Еще пять минут, и она освободится. Вернется в хирургию и отправит Мишке SMS. Она где-то читала: Йоко Оно Леннона так зацепила, привязала к себе – слала ему каждое утро телеграмму в одно слово: «Улыбайся!», «Дыши!»...

ВОПЛЬ!

Бутыл с ментоловым спиртом вырвалась из рук Верочки Дягилевой и хлопнулась об пол. Но этот грохот не мог заглушить крика, вспоровшего ночную тишину.

Этот крик был так страшен, что Верочка, забыв обо всем, зажала уши руками. Но только на секунду, на короткое мгновение. Потом она справилась с собой и выскочила из процедурной.

– Наталья Николаевна!

Дверь шестой палаты была распахнута настежь. За дверью располагался маленький тесный предбанник – вешалка, двери в душевую и в туалет. Палату от этого предбанника отделяла еще одна дверь – застекленная полупрозрачным пластиком, безопасным для больных.

Верочка увидела лицо старшей медсестры, прижатое к стеклу, ее руки со скрюченными пальцами, царапавшими пластик. Старшая медсестра была внутри – в палате. Ее глаза вылезали из орбит, а рот был распялен в крике. Его слышали в парке и на въездном КПП.

А потом крик оборвался.

Глава 6

Параллельные миры

В госпиталь Катя отправилась в субботу. Накануне туда звонили из министерства, так что с этой стороны все было улажено. Материал о полковнике Приходько, работавшем в комиссии ООН по расследованию военных преступлений в период войны на Балканах, – это было ново, эксклюзивно, солидно. Катя тщательно готовилась к интервью, записала множество вопросов, которые собиралась задать бравому полковнику. Вопрос о причине, по которой он попал в госпиталь, стоял в этом перечне особняком. Боевое ранение – а Катя была в этом уверена, хотя никакой точной информации ей не сообщили ни ее начальник, ни куратор из управления общественных связей министерства, – ранение стоило обыграть в будущей статье с максимальным эффектом. А то, что Приходько когда-то в молодости начинал работать именно в ее родном главке, придавало ей еще больше уверенности – в сущности, они были «земляки», а земляки всегда должны помогать друг другу.

По выходным в госпитале посетителей пускали с одиннадцати часов утра. К одиннадцати Катя и приехала. По субботам пациенты были избавлены от процедур, их посещали родственники, друзья, коллеги по службе, так что слегка расслабленная атмосфера вроде как располагала и к знакомству, и к масштабному интервью с красочными подробностями о том, как «наши», «областные» сотрудничают не с кем-нибудь, а с самой ООН!

Однако по дороге в такси думалось почему-то не о работе, а о личном – о муже. И мысли все были какие-то невеселые, упаднические. Драгоценный тоже сейчас все по больницам, по клиникам, по санаториям со своим работодателем, прикрывается его болезнями, как щитом, – от нее, от Кати. Сначала говорил: возьмешь отпуск и приедешь ко мне – в Мюнхен, строил грандиозные планы. Она не взяла отпуска, не приехала. У нее были на то причины. И он не то чтобы рассердился или стал ее упрекать, а как-то сразу замолчал, перестал это даже упоминать, словно догадался...

Ну, да, да, да, она была перед ним виновата! Но это чувство вины уже не только угнетало, не только печалило, но и начинало раздражать.

Черт, виновата была она, Катя, а обвинить хотелось его – Драгоценного, который, в сущности, ни в чем перед ней не виноват. Напротив даже...

Углубляясь во все это, можно было лишь еще больше запутаться. И Катя решила в такси по дороге в госпиталь – все, хватит, довольно. Живем сегодняшним днем – вот есть раненый полковник-герой, у которого надо взять интервью, потом написать очерк, чтобы слезу вышибало, тиснуть его в разных там СМИ – ведомственных и гражданских. И это и есть все планы. Все ее личные планы.

– Вам пропуск заказан, но приказано о вас доложить, – объявил ей караульный на КПП госпиталя, когда она протянула свое удостоверение и сказала, что она к больному Приходько Олегу Ивановичу. – Подождите минуту.

Катя ждала в проходной, пока караульный кому-то звонил. Это было как-то странно. В госпитале Катя была десятки раз – навещала друзей, приезжала к своему коллеге – начальнику отдела убийств Никите Колосову. Он лежал в отделении травматологии в новом корпусе, помнится. И никогда особых «докладов» о ней, обычной посетительнице, никто не делал. «Это, наверное, потому, что был звонок из министерства насчет интервью, – решила Катя, надуваясь гордостью. – Или же этот полковник Приходько такая супершишка ооновская».

Из ворот выехала «Скорая». Через КПП тек бодрый поток посетителей. Все торопились скорее под крышу – день выдался ветреным, холодным, совсем не майским. Ночью

лило как из ведра, кругом были лужи, с деревьев капало, а небо все сплошь затянули серые тучи, грозя новой непогодой. И дождь вскоре начал моросить, а потом припустил так, что все, кто прогуливался в госпитальном парке, поспешили под крышу.

– Капитан Петровская? – уточнил караульный. – Ну что же, проходите, вот ваш пропуск. Только сначала вас просили обязательно зайти на второй этаж – это в старом корпусе, в 22-й кабинет.

Катя глянула в пропуск – там было написано: старый корпус, третий этаж, 36-я палата. Выходит, именно там и лежал полковник Приходько. На втором же этаже (и это было известно всем посетителям) располагалась поликлиника госпиталя.

Стараясь, чтобы дождь не намочил скромный букет цветов, приготовленный для Приходько, Катя заторопилась через парк. Клумбы, газончики – вся территория госпиталя была чистенькой, ее каждый день убирали солдатики срочной службы. Но чем ближе к корпусам, тем больше армейский порядок уступал место строительному беспределу: поперек газонов между корпусами был вырыт котлован – это меняли трубы; к старому корпусу с торца пристраивали новое кирпичное здание под черепичной крышей. В результате попасть в старый корпус через центральный вход было невозможно, пришлось войти через запасной и подняться по крутой и неудобной служебной лестнице в поликлинику.

Здесь по субботам было тихо, все кабинеты закрыты, кроме...

На пороге 22-го кабинета стоял врач в зеленой хирургической робе и такого же цвета брюках. Он был полный, молодой и уже лысый и поэтому, наверное, стригся под «ноль».

– Здравствуйте, это вы к Приходько? – спросил он, оглядывая Катю, как ей показалось, слишком уж внимательно.

– Добрый день, я капитан Петровская, сотрудница пресс-центра, вам звонили насчет организации интервью с полковником.

– Да-да, звонили, я пытался объяснить, но там либо не поняли, либо не захотели понять нас. Пожалуйста, пройдите в кабинет, присядьте. – Врач посторонился. – Я завотделением и его лечащий врач.

– Какие-то осложнения? Полковнику хуже стало? – спросила Катя. – Если нельзя с ним встретиться сегодня, то я приеду в другой раз.

– В другой раз? Да нет. – Врач присел боком на край стола у компьютера. – Я не хотел там, в отделении, с вами разговаривать, решил встретиться здесь, тут по выходным никого не бывает – ни больных, не персонала, так что можно говорить совершенно свободно.

Катя с недоумением воззрилась на собеседника.

– Простите, но...

– Послушайте, кто вас надоумил писать о нем?

– То есть как это кто надоумил? Полковник Приходько – наш сотрудник, он начинал у нас в области, мы... то есть мое руководство сочло, что очерк о нем – это как раз то, что сейчас нужно для публикации в качестве положительного профессионального примера...

– Боюсь, что у вас с ним ничего не выйдет.

– Почему? Он не может давать интервью по состоянию здоровья?

– Сейчас состояние его здоровья таково, что... Ну, в общем, с медицинской точки зрения оно лучше, чем прежде, когда он только поступил. Дело не в этом.

– Я слышала, что он находится в госпитале довольно давно. – Катя испытывала дискомфорт – странный какой-то разговор. Этот лечащий врач не хочет допускать ее к Приходько, так, что ли?

– Он поступил в госпиталь двенадцатого октября. Его доставили бортом МЧС из Албании. Туда срочно вылетела бригада хирургов, были врачи и из нашего госпиталя.

– Он здесь у вас столько времени? Неужели он был так серьезно ранен?

– Дела были неважные – повреждения брюшной полости, шок, вызванный большой кровопотерей. К тому же все усугубилось тем, что его там, в горах, не сразу нашли.

– В горах? Это в Албании, да? Простите, но я еще плохо представляю себе обстоятельства... Я думала, выясню все в ходе нашего с ним интервью.

– А он этого ничего не помнит. – Врач смотрел в окно. – Говорит, что не помнит.

– А разве в Албании сейчас воюют? – удивилась Катя. – А он помнит, как его ранили?

– Проводилось служебное расследование. Насколько мне известно со слов наших коллег, которые входили в медбригаду, было совершено бандитское нападение – полковник Приходько единственный, кто выжил, его коллеги погибли. Даже тела не были найдены. Их группа выполняла какое-то задание, и эта группа пропала. Когда их хватились, то в тот район нельзя было быстро добраться по погодным условиям. Там шли сильные дожди, дороги размыло. Только через несколько дней начались поиски. Он был единственный, кого нашли. Это просто чудо, что он выжил. Я врач, я многое видел тут и не верю в чудеса, но тем не менее порой они случаются... М-да... Уже здесь ему было сделано несколько операций.

– Пуль, наверное, из него достали, бедного... – Катя горестно покачала головой.

– Ни одной пули. Рваные раны брюшной полости, – врач помолчал, – но не только в этих его ранах наши проблемы.

Катя ждала, что он еще скажет. Как это понять «наши проблемы»? Но доктор молчал.

– Могу я встретиться с Приходько? – не выдержала она наконец. – Поймите, у меня задание по работе. Этот вопрос согласован с министерством. В любом случае я должна как-то отчитаться.

– Запретить вам я не в силах, нет у меня таких полномочий. Но...

– Но?

– Я бы не советовал вам с ним встречаться.

– Почему?

Тут эта странная беседа была прервана – дверь открыла медсестра.

– Петр Германович, ОНА наотрез отказывается уходить домой, утверждает, что с ней все в порядке. ОНА не хочет сдавать дежурство, говорит, что останется в отделении, – голос медсестры срывался от волнения, – Петр Германович, ОНА, кажется, не в себе.

– Я сейчас приду, поговорю с ней сам. Вы только не кричите и не мечитесь по госпиталю с такой физиономией. – Доктор встал. – Нам и ночного балагана было достаточно, вся охрана сбежалась.

– А что произошло ночью? – спросила Катя.

– Старшей медсестре стало плохо. Видимо, спазм... Она испугалась. Ничего, сейчас с ней все в порядке, дежурные врачи быстро все взяли под контроль. Но ей лучше несколько дней побыть дома, на больничном.

– А при чем тут охрана госпиталя?

Врач глянул на Катю в упор.

– И все же, кто подал вам идею писать о Приходько статью? – спросил он тихо. – Пожалуйста, если вы располагаете какой-то информацией, то... Я лечащий врач, я должен знать. Это может помочь ему, помочь лечебному процессу, реабилитации.

– Но я правда не располагаю никакой информацией о нем, кроме того, что он в прошлом работал в розыске у нас в области, а потом был в КЕЙ ФОР в Косове, затем в командировке в какой-то миссии при ООН в Албании.

– И вы никогда прежде не встречались с ТРОЯНЦЕМ?

– С кем?

– Он так себя порой называет – Троянец. Очень странно у него выходит – как будто в третьем лице. Со стороны.

– Простите, у него что, после ранения плохо с головой? – прямо спросила Катя. – Поэтому вы не хотите, чтобы я встречалась и писала о...

– Его осматривал психиатр, патологии не выявлено, – сухо отрезал врач. – Ладно, разговор наш с вами окончен. Если не передумали, я вас провожу на третий этаж.

«А почему я должна передумать?» Катя удивлялась все больше и больше. Врач молодой, заботливым, а строит из себя какого-то секретного агента. И что он имел в виду под фразой «наши проблемы»? Они что, не знают, как лечить полковника Приходько? А вообще врачи сейчас хоть что-то знают? И везде так, во всех больницах – и у нас, и за границей, – Катя, идя по коридору, настраивала себя на воинственный лад. Вон Драгоценный со своим стариком-работодателем сколько месяцев уже скитается по лечебным учреждениям. И везде не лечат, везде одни только отговорки сплошные, везде только деньги, деньги, деньги...

Странно, что Приходько здесь держат столько месяцев, с октября, а сейчас май уже... Ведь по закону, кажется, спустя пять месяцев уже ВВК должна назначаться, а потом могут и комиссовать, а его держат в госпитале и...

Они поднялись на лифте, миновали просторный холл и подошли к дверям отделения, на котором было приколото объявление: «Отделение закрыто в связи с перепланировкой здания». Катя замерла на месте. А это еще что? Это крыло старого корпуса. Она же сейчас мимо шла, видела: как раз с этой стороны к корпусу пристраивают то новое здание. И перепланировка действительно имеет место быть, тогда отчего же здесь находится больная?

Врач открыл дверь магнитным ключом (совершенно невероятная вещь, никакие другие отделения, в которых прежде бывала Катя, навещая коллег, на замок не запирались). Катя вошла – «закрытое» отделение функционировало. Это было ясно по обстановке. Только тут было очень тихо. Белые двери пустых палат. А на дежурном посту вместе с медсестрой – двое крепких медбратьев в зеленых медицинских робах. Санитары или охрана?

– Он в тридцать шестой, – сказал врач. – Эти цветы у вас для него? Это хорошо. Возможно, это его порадует.

ЭТО ПОРАДУЕТ... Фраза была произнесена вполголоса – в коридоре за двумя дверями, но ОН услышал. ЭТО ПОРАДУЕТ...

Как могли они догадаться...

Нет, они не могли. Они на это не способны.

Они не догадываются...

Только ОН один знал, что может доставить истинную высокую радость ТРОЯНЦУ! В окно палаты, полуприкрытое спущенными жалюзи, сочилась серая ненастная хмарь. Рядом с кроватью стояла капельница. По прозрачной трубке через иглу вливался раствор. Это угнетало. Можно было вырвать иглу из вены, отшвырнуть прочь капельницу, разбить все, но... Нет, ОН был мудрым и хитрым. ОН не хотел все портить. К тому же пока надо было беречь ТРОЯНЦА. Он мог еще пригодиться.

ОН...

Если закрыть глаза – все возвращалось на круги своя. И все разъятое, разобщенное, рассеянное по миру собиралось в единое целое – все части, все образы, все личины. Капли чужой крови, эти драгоценные рубины... Слабые, ничтожные, живые. Да, ЖИВЫЕ – и в этом было их великое преимущество.

Живые чувствовали боль. Наверное, они страдали...

А ОН разве не страдал – тогда, там?!

Если закрыть глаза... Нет, глаза принадлежали ТРОЯНЦУ... Но все равно, не важно. Если закрыть, то... все возвращалось на круги... Какая радость, какая великая радость...

Оранжевый свет тихо угасал. А потом разгорался ярче – и это означало смену времен. Свет был как кожица апельсина. И как спелый апельсин было солнце – заходящее, пропадавшее за горизонтом солнце там, в горах.

Музыка из салона машины – белого джипа с синими буквами на боках. На крыше остались вмятины, осколки выбитых стекол засыпали сиденья. И еще было много пятен на потолке, на дверях, на обивке.

Нет, пятна смыло дождем. Ведь тогда шел сильный ливень. Кто-то пытался бежать, но поскользнулся на глине...

Кто-то хотел спастись... Кто-то хотел... Выстрелы... Дождь... Оранжевый свет...

А ОНИ здесь думают, что ТРОЯНЕЦ ничего не помнит.

Они ошибаются.

Они не знают.

Поскользнулся на глине хорват. Он выпрыгнул из джипа и побежал. Но не сделал и десяти шагов. Скользкая глина... Когда ему прокусили яремную вену... Он хрипел и отбивался, пытался даже ползти. Под ним была жижа – мокрая жижа, красная, и он скользил по ней коленями, локтями. А потом локтевая кость хрустнула... Оторванная рука взлетела вверх, как будто ею жонглировали...

Женщина кричала...

Музыка из магнитолы – волынка-гайда, флейта-зурна, барабан и три голоса то сливаются, звучат в унисон, то расходятся на самых верхах. Албанская песня... Живем один раз... Женщина кричала...

Женщина кричит...

ТРОЯНЕЦ, ты помнишь ее? Помнишь, как ее звали? Помнишь, как ты вместе со всеми вырывал из ее тела кусок за куском?

Нет, ТРОЯНЕЦ, этого ты не помнишь. Этого не было? Это был не ты? Так НЕ БЫЛО ИЛИ...

Оранжевый свет – он вечен, он тих. Солнце цвета апельсина над вершинами гор. Старая дорога, куча покрывок и хвороста, который кто-то когда-то собирался поджечь, готова свой последний рубеж обороны.

НЕТ НИКАКИХ РУБЕЖЕЙ. Нет границ, нет расстояний. Одно только время. Оно вроде убежища – надежного, тайного. Что-то вроде ворот, за которыми – склон горы и дома, черепичные крыши – уступами среди серых камней. Разбитая, вымощенная булыжником улица – все вверх и вверх. Мертвая улица, мертвые дома.

Что ты знаешь о мертвых, ТРОЯНЕЦ? Мертвые поют, мертвые пируют – волынка-гайда, флейта-зурна, барабан, голоса, то расходящиеся, то сливающиеся в унисон, – слов уже не разобрать, только предсмертные хрипы из разорванных глоток, только вопли боли, от которых бежит прочь вся дневная, живая тварь.

И ты, ТРОЯНЕЦ, ты, тварь, не смей, не смей стоять на нашем пути.

Не смей сопротивляться...

Ведь там, в горах, ты уже проиграл. Ты не поверил. Вы не поверили.

Faleminderit!² за то, что вы не поверили.

– Faleminderit...

– Что? – Катя не поняла. Или не расслышала. Полковник Приходько прошептал что-то, когда она протянула ему цветы.

Она вошла в тридцать шестую палату, открыла сначала одну дверь, попала в маленький предбанник, постучала во вторую дверь – застекленную наполовину. Все это было ей

² Спасибо (алб.).

хорошо знакомо. Она ведь бывала в этом госпитале не раз и не два. Только не в этом отделении. Колосов – начальник отдела убийств, помнится, лежал в новом корпусе. Там палаты немножко другие. А здесь высокий потолок и окно – небольшое, полуопущенные жалюзи. Палата двухместная, но лежит в ней только один больной. Вторая кровать убрана, ее место занимают два стула. Они стоят довольно далеко от кровати полковника Приходько. А возле самой кровати – капельница.

– Здравствуйте, Олег Иванович, я капитан Петровская из пресс-центра ГУВД Московской области, меня зовут Екатерина. Вы когда-то начинали у нас в области в уголовном розыске, мы узнали, что вы в госпитале, а до этого были в командировках за рубежом и... В общем, очень бы мне хотелось написать о вас очерк для газеты. И... вот, это вам.

Вот когда Катя протянула ему цветы. И услышала что-то в ответ. Что-то очень тихое, невнятное.

Олег Приходько был крупным мужчиной. Он лежал на спине, на высоко взбитой подушке. Одеяло прикрывало его до пояса. На нем была роба – распашонка, которые обычно надевают на тяжелобольных, не способных самостоятельно обслуживать себя. Из вены его торчала игла, подсоединенная к капельнице.

В палате было стерильно чисто и пахло ментолом. Этот запах Катя ощутила еще в коридоре. Было такое впечатление, что ментола слишком много, словно где-то что-то ментоловое разлили.

Олег Приходько был чисто выбрит. Вполне обычная мужская внешность плюс болезненная бледность – ничего особенного. И все же что-то особенное было. Не в нем, а...

Катя даже оглянулась невольно. Сейчас. Вот сейчас, когда она входила, ее что-то поразило, удивило донельзя...

Жалюзи? Нет. Стулья у стены? Блюдо с апельсинами на тумбочке возле кровати? Внутренняя дверь – она открыла ее, эту наполовину застекленную пластиком дверь и...

По внутренней поверхности прозрачного пластика на уровне Катиного лица шли четкие борозды – глубокие и шершавые. Пять параллельных борозд, как будто кто-то проскреб по пластику острыми когтями, пытаясь вырваться.

Что за вздор! Померещится же такое. Катя повернулась к Приходько. Прекрати, пришла по делу к тяжелобольному коллеге, а сама шарить глазами по углам.

Померещилось ли ей снова – краем глаза она засекла мгновенное движение. Такое ощущение, что в тот момент, когда она пялилась на дверь, полковник Приходько приподнялся с подушки, сел, невзирая на капельницу. И вот он опять лежит – так перемещаться раненый, больной не способен, так перемещается только молния шаровая.

– Как вы себя чувствуете, Олег Иванович?

– Спасибо, неплохо, – голос у него был хриловатый, речь чуть замедленна. – Вы, значит, тоже коллега...

– Да. («Почему тоже? – удивилась Катя. – О чем это он?»)

Он смотрел на нее из-под полуприкрытых век. Профиль на фоне окна, пряди волос... Где-то когда-то это уже было... Женский профиль на фоне окна, а за окном все двигалось, таяло – они ехали на белом джипе с синими буквами по горной дороге. Рая... Ее звали Рая... пудреница... солнечный зайчик, уловивший его глаза...

ОНИ не знают, что ТРОЯНЕЦ помнит.

– Я цветы пока сюда... – Катя положила букет на стул, а сама присела рядом на свободный, – потом сестру попрошу поставить в воду. Так вот, Олег Иванович, я бы хотела о вас написать статью. Конечно, если это возможно, если вам не тяжело будет со мной.

– О чем?

– О вашей работе. Как вы начинали у нас в области, я тут записала – в отделе по борьбе с кражами и угонами. Ну и потом, конечно, о ваших командировках зарубежных в Косово

и в Албанию. Мне сказали, вы были в следственной комиссии по расследованию военных преступлений. Это очень интересно. Кроме очерка с фотографиями, позже, когда вы выйдете из госпиталя, можно будет сделать телеинтервью, наша главковская телестудия была бы рада... – Катя как-то растерялась. Она поняла, что приехала с этой своей идеей напрасно, чувствовала неловкость и дискомфорт. Приходько болен, ему сейчас не до ее дурацких идей с публикацией.

– Но вам, наверное, трудно сейчас... Я не вовремя с этой нашей инициативой, хотя это не только мое желание, в министерстве тоже вас помнят, беспокоятся, вот хотели, чтобы в прессе о вас прозвучало... Но, видимо, пока еще рано, вам лечение предстоит. Ваше ранение...

– Все зажило, – сказал Приходько. – Вы что, уже уходите?

– Очень рада была нашему знакомству, но не хочется надоедать вам, мешать. Если разрешите, я приеду к вам в другой раз, когда вам будет лучше.

– Оставайтесь.

Катя уже встала со стула. Приходько приподнялся и вырвал иглу из вены. Жест был так резок, что Катя опять невольно оглянулась на дверь – не позвать ли сестру?

Пять глубоких царапин четко выделялись на пластике двери.

– Подойдите ко мне. – Приходько поманил Катю. – Мы поговорим. Я отвечу на все ваши вопросы. Сядьте сюда. Ближе, ближе...

Катя подошла к кровати, доставая на ходу из сумки диктофон. В это время в коридоре послышался какой-то шум – громкие голоса, шаги. Они зазвучали в предбаннике. Катя узнала голос заведующего отделением. Дверь распахнулась, и в палате сразу стало очень тесно, потому что (так показалось Кате) ввалилась целая толпа народа, где врач, так путано и сбивчиво отговаривавший ее от знакомства с полковником Приходько, совершенно потерялся.

И еще Кате показалось...

Нет-нет, конечно же, померещилось...

Странное чувство, как будто она была на волосок от...

Глава 7

Палата № 36

О том, что они все вместе поедут в госпиталь к Олегу Приходько, Регина Москалева узнала от своего мужа утром за завтраком. Была суббота – одна из немногих суббот, которые генерал Виктор Москалев проводил дома с семьей. Когда он служил в Моздоке, выходных практически не существовало. Регина часто вспоминала те времена. Чтобы быть рядом с мужем, она пожертвовала всем: бросила любимую работу, отправила сына Данилу к матери. Она выполняла свой долг жены, потому что очень любила мужа. А теперь, когда Данила, подросший и весьма самостоятельный, вернулся к ней, она была целиком захвачена им. Сын... мой сын... Теперь все – ему, все – для него.

С каким наслаждением, с какой заботой, например, она обустроивала его комнату здесь, в этом новом их доме. Большая жилплощадь – жаль только, что опять не своя, служебная. Возможно, потом, когда муж получит назначение в министерстве, что-то решится и с квартирой. А пока вот этот кирпичный особняк – федеральная собственность для высших управленцев и генералитета в подмосковном Архангельском.

И даже мебель казенная – гостиная, кухня, спальня, холл. И только в комнату Данилы она купила мебель (диван, шведскую стенку, письменный стол, стеллаж, компьютер) сама. И это было счастьем.

Потом вместе с Надей все расставляли, вешали шторы, убирали. Надя – Надежда Макаровна – жила неподалеку в частном секторе. Ее покойный муж тоже был военным, после его смерти она работала у прежнего хозяина этого дома генерала Губеева чем-то вроде домоправительницы. Губеев уехал военным советником в Душанбе, а Надежда Макаровна осталась при доме. Регине она понравилась сразу, и они с мужем решили: зачем искать какую-то другую помощницу по хозяйству? Надя была простой, доброй, немножко шумной, румяной. Свои седые уже волосы нещадно жгла перекисью, ходила всегда в теплых шерстяных брюках, страдая «поясницей», но всю работу по дому делала быстро и аккуратно. Да они не очень-то и злоупотребляли эксплуатацией наемного труда. В Моздоке, например, на такой же служебной жилплощади при штабе округа внутренних войск Регина все делала сама.

О том, что Олег Приходько в Москве, в госпитале, Регина услышала впервые. Олег и Виктор были давно знакомы, можно сказать, они являлись друзьями, боевыми товарищами. Десять лет назад оба отправились в командировку в Косово – в КЕЙ ФОР по линии МВД. Потом их пути разошлись – Виктор Москалев воевал в Чечне, в Дагестане. Был в вечной бессрочной кавказской командировке и сделал стремительную карьеру: в сорок получил звание генерала. С Приходько они виделись года три назад, во время отпуска в Москве, – сидели в ресторане по старой дружбе. Олег тогда работал в какой-то комиссии СНГ в Приднестровье, он вообще был спец по разным междоусобным конфликтам.

С годами, конечно, все меняется, но старые приятели, боевые товарищи – это дело особое. Регина помнила Приходько. Симпатичный мужик. Только ему что-то не везло с личной жизнью. Что-то искал, мотался по командировкам, жил с красавицей – в гражданском браке, а красавица бросила полковника и нашла себе коммерсанта. В общем, дело житейское. В Москве у него была хорошая квартира, там жила его мать – Москалевы даже останавливались у него однажды, когда приехали в отпуск из Моздока. Потом мать умерла, и он остался один. Наверное, уже женился, успел...

– Олег женился? – спросила Регина мужа.

– Кажется, нет. – Виктор Москалев покачал головой. – Не окольцевали еще. Я только вчера узнал в министерстве, что он в Москве и в госпитале. По моим последним сведениям, он в командировку был направлен.

– В Ингушетию? Он что, ранен?

– За границу его командировали. В Албании сейчас комиссия ООН расследует военные преступления, наши представители там от прокуратуры, от МВД есть. Ну поехал, видно, тоже за генеральской должностью. А там какие-то дела непонятные.

Регина смотрела на мужа. С каким аппетитом он завтракает! Любит поесть мой Виктор Петрович, ох, любит. И вширь раздается товарищ генерал. Только и спасает пока от ожирения рост да спортивная тренировка. И Данила – вылитый отец. Вон сколько всего умял за завтраком: тарелку каши, творог, бутерброды. Моментально все заглотал, как галчонок, и теперь у себя в комнате – либо в «стрелялки» играет на компьютере, либо смотрит опять какую-нибудь чушь с драками и взрывами.

– А что такое? – спросила она безмятежно. (Безмятежность – это не равнодушие к судьбе знакомого, нет. Просто к ранам, к госпиталям Регина, генеральская жена, с виду очень благополучная женщина, внутренне психологически успела уже привыкнуть. Чего только не насмотрелась в Моздоке за время своей «супружеской командировки»!)

– Как я узнал, его ранили во время бандитского нападения на границе с Косовом. Он единственный, кто уцелел из их группы. Там еще была одна наша сотрудница – эксперт-криминалист, она погибла. Остальные иностранцы, работники миссии. Все пропали бесследно. А Олега обнаружила группа спасателей. Там, в Албании, его не стали оставлять, самолетом доставили в Москву. Это осенью еще было, в октябре. И с тех пор он в госпитале. Видно, что-то серьезное. А мы и не знали. Вот жизнь, а, Регин? Совсем с этой чертовой работой человеком перестаешь быть нормальным. Как робот, включили кнопку – и почесал, почесал. – Генерал Москалев поперхнулся глотком кофе. – Все, десять минут даю тебе и Данилке на сборы, машину вызываю, и едем в Москву, в госпиталь. По дороге надо в магазин заскочить, тут у нас рядом супермаркет крутейший открыли, там разносолы всякие, купим Олегу каких-нибудь фруктов, ягод – он всегда это любил. Представляешь, один раз в Приштине едем с ним на бэтээре, с нами два итальянца-кейфоровца, а сзади колонна идет. А район – говно, понимаешь? Из каждого окна – пулемет торчит, только-только бои албанцев с сербами затихли. Улица узкая, и грузовик ее перегородил – нарочно, что-то вроде засады. В колонне нашей все сплошь итальянцы, мать их, выскочили, руками машут! А тут, того гляди, свинцом польет из пулемета. Зависнешь на пять минут – все, каюк. Я, признаюсь, растерялся слегка. А Олег как гаркнет водителю бэтээра: направо поворачивай, а там домишко, забор – в общем, частное албанское владение. Водитель скумекал, и снесли мы тот забор к черту. Открыли путь колонне и прошли. Прошли без потерь, без задержки. Забор потом через пару недель хозяину итальянцы починили. Я к чему – умный он парень, Олег, инициативный. С такими, как он... Сейчас вот свидимся, узнаю, как у него дела с ранением, со здоровьем, и как поправится, может, возьму его к себе в аппарат, когда с назначением все утрясется. Как, мать, на это смотришь, а? Сработаемся мы с ним?

– Вы же друзья, – улыбнулась Регина. – Только знаешь, Данилу не стоит брать туда.

– Это почему еще? – Москалев нахмурился.

– Ну, все-таки это больница. А он ребенок.

– Свиненок, – Москалев хмыкнул, – не хотел этот вопрос заострять, Регин, но... Растет этаким самовлюбленный эгоист, генеральский сынок. Равнодушный ко всему на свете, кроме фильмов своих поганных. Я вот вечером ревизию устрою у него, чего он там смотрит втихаря. Выкину всю дрянь, все эти диски его, игры. Я сказал, выкину! Это теща, мать твоя, ему во всем потакала, и ты туда же: ах, Данилочка... ах, детка золотая-ненаглядная, да чего тебе,

деточка, надобно... У меня этот номер не пройдет! Поняла? Сейчас надо всю эту дурь, весь этот эгоизм из него выбивать, пока он мал еще, глуп. Потом поздно будет.

– Ты не прав, Витя, он же еще ребенок, мальчик...

– Он поедет с нами в госпиталь навещать Олега. Тот его вот таким знал, от горшка два вершка. И он пусть посмотрит на человека, который свою кровь проливал за то, чтоб ему – такому золотому-ненаглядному – жилось хорошо, сладко. Пусть прочувствует: есть жизнь солдатская, есть долг, есть честь мужская. И как мужик не должен себя щадить, когда государство это от него требует.

– Витя, ты не в казарме, и спецназа тут нет, – тихо сказала Регина.

В машине она села с Данилой на заднее сиденье. Держала в руках сумку с фруктами. В супермаркете по дороге нашли для Приходько черешню – спелые пунцовые ягоды в коробке. Данила тут же протянул к ним руку.

– Нет, это для Олега Ивановича.

– Но я хочу, мама.

– Перехочешь, – буркнул Москалев, поворачиваясь с переднего сиденья.

Данила скривил губы, привалился щекой к плечу матери. Весь вид его выражал скуку и недовольство. Зачем его тащат в этот госпиталь? Что ему там делать? Вот морока.

Регина чувствовала запах его волос. Сын... сынок... мой ненаглядный... Это все ничего, это издержки возраста, последствия той нашей вынужденной разлуки. Теперь все изменится, все будет хорошо. Я всегда буду с тобой, я твоя мать, я никогда, никогда тебя не покину, во всем и всегда буду тебе защитой.

У ворот госпиталя генерал Москалев кому-то позвонил по мобильному, и их сразу же пропустили на территорию прямо в машине. Они поднялись на лифте на третий этаж старого корпуса. Их встретил какой-то здешний начальник от медицины. Направились в отделение, вызвали лечащего врача. В общем, началась та, уже знакомая Регине обычная суэта: генерал Москалев был в МВД широко известен своей боевой биографией, и молва всегда шла впереди него, открывая ему все двери.

Регина держала Данилу за руку. В этом старом здании было так много лестниц, переходов, что он мог легко потеряться. Умом она понимала, конечно, что в двенадцать лет ТРУДНО УЖЕ ПОТЕРЯТЬСЯ, но сердце отказывалось верить в то, что ее ребенок, ее сын – достаточно взрослый.

«Олег видел его давно, совсем крохой, вот, наверное, удивится, как он вырос, может, даже в душе позавидует по-хорошему нам с Витей».

Генерала Виктора Москалева Катя много раз видела по телевизору и однажды вживую на совещании в министерстве, посвященном борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, – его тогда широко освещали все милицейские средства массовой информации. Поэтому она узнала его сразу. В толпе (а именно так ей показалось в первый момент), заполнившей палату № 36, он выделялся высоким ростом и громким басом. Вокруг суетились врачи (что-то пытался сказать лечащий, но его никто не слушал), дюжие медбратья, худощавая блондинка в цветном платье и зеленой вязаной кофточке (это была Регина Москалева), похожий на нее лицом мальчик лет двенадцати (Данила), а также еще одна женщина – в белой медицинской робе: темноволосая и очень бледная.

Именно она – эта медсестра приковала в первый момент к себе все внимание Кати, а вовсе не семейство Москалевых, явившихся навещать Олега Приходько. Медсестра появилась последней, стояла в дверях. Катю поразил ее вид – медсестра очень плохо выглядела. Нет, она выглядела просто ужасно, что называется, краше в гроб кладут.

ОНА НЕ ХОЧЕТ СДАВАТЬ ДЕЖУРСТВО... ГОВОРIT, ЧТО ОСТАНЕТСЯ... ОНА, КАЖЕТСЯ, НЕ В СЕБЕ...

ВЫ ТОЛЬКО НЕ КРИЧИТЕ И НЕ МЕЧИТЕСЬ ПО ГОСПИТАЛЮ...

Эти фразы всплыли в памяти вроде бы совершенно без всякой связи. Но обдумать все было некогда. Генерал Москалев затрубил на всю палату, как слон в саванне: «Олег, бродяга, дорогой ты мой человек, как же это ты на койку больничную – эх, и не стыдно тебе, такому буйволу здоровому... Я думал, ты там, а ребята в министерстве мне – нет, в госпитале он, а я – да бросьте врать, Троянец да чтоб в этой нашей госпитальной ж... Доктор, прошу прощения, но точнее и не скажешь при такой вот дислокации!»

Блондинка в зеленой кофточке помахала рукой Приходько:

– Олег, привет, рада тебя видеть, а это вот наш Данила, сынок, поздоровайся с Олегом Ивановичем. – Потом она с улыбкой повернулась к Кате: – Здравствуйте, вот как хорошо, что вы с ним, что он не один здесь. Я Регина, будем знакомы.

– Я Катя, то есть Екатерина Сергеевна, но я не...

– Это просто прекрасно, что вы с ним, что он не один тут. – Регина Москалева не слушала, явно принимая Катю за приятельницу Приходько. – Олежек, я тебя поздравляю, а я и не знала, что ты женился.

– Простите, но я не...

Растроганный встречей генерал Москалев грузно опустился на кровать в ногах больного, так что заскрипели пружины. И в унисон с этим скрипом послышался голос Приходько:

– Уберите. Уберите это прочь от меня!

Повисла крохотная неловкая пауза. Никто не понял, что же больной имел в виду. И тут та медсестра, что все еще торчала в дверях, подошла к кровати и забрала с тумбочки блюдо с апельсинами. Она сделала это молча и тут же покинула палату. Приходько откинулся на подушках.

– Ну, дайте же нам спокойно с товарищем поговорить. – Генерал Москалев развел руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.